

*БОРИС
АКУНИН*

**ВЕСЬ МИР
ТЕАТР**

Борис Акунин
Весь мир театр
Серия «Приключения Эраста Фандорина», книга 13

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=303612

Аннотация

Действие нового романа Бориса Акунина «Весь мир театр» происходит в 1911 году. Эраст Фандорин расследует преступления, совершенные в одном из московских театров.

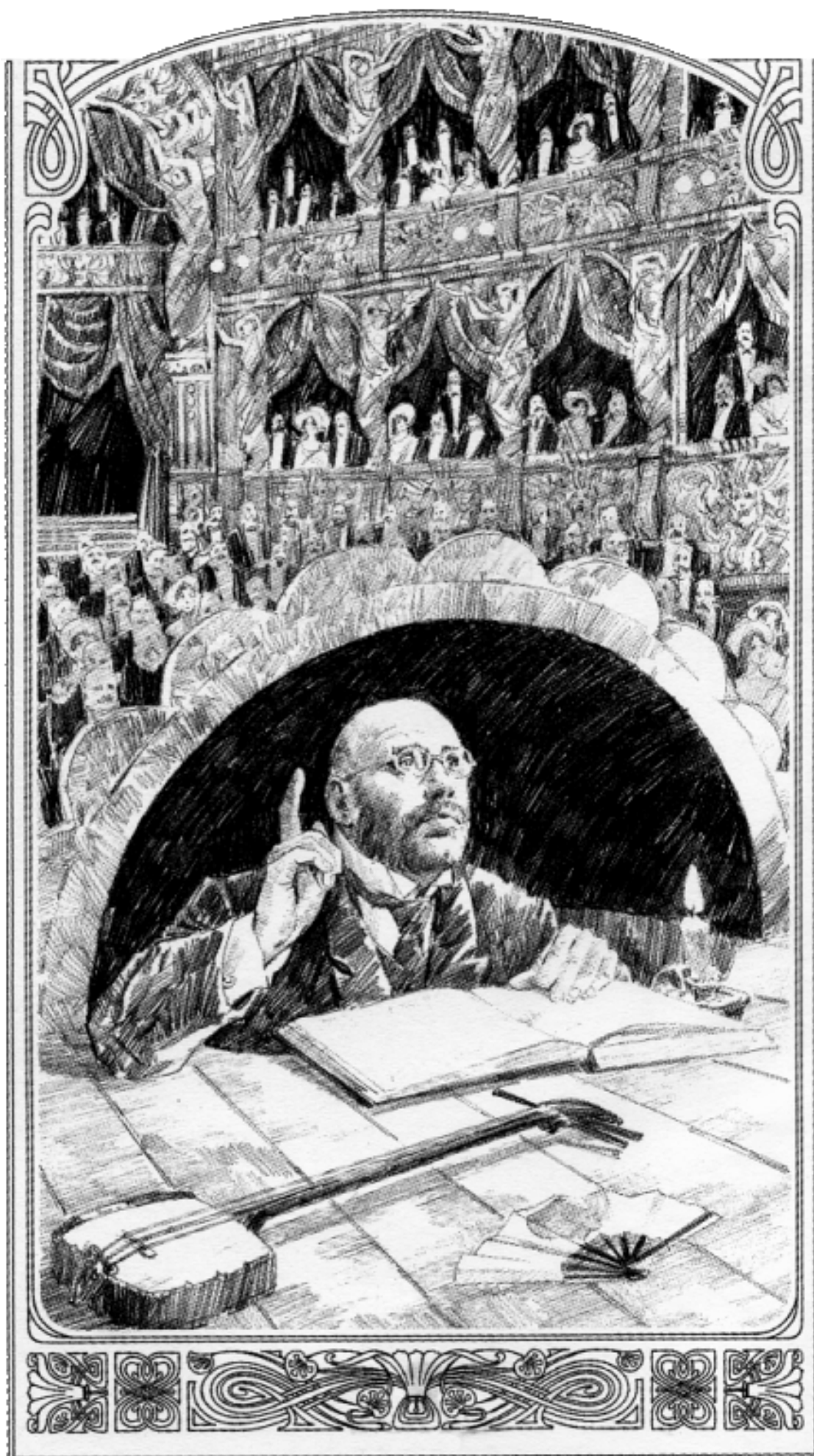
Содержание

До бенефиса восемь единиц	6
Гармонический человек	6
Ай, как нехорошо!	12
День памяти Елисаветы	16
Странный мир	20
Предварительное знакомство	28
Вошедшие в ковчег	33
Осквернение скрижалей	42
Нерешаемых проблем не бывает	51
До бенефиса семь единиц	55
Мсть Чингиз-хана	55
Страшное	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Борис Акунин

Весь мир театр

До бенефиса восемь единиц

Гармонический человек

Гармоническим человеком Эраст Петрович стал себя считать с того момента, когда достиг первой ступеньки мудрости. Произошло это не поздно и не рано, а в самый раз – в возрасте, когда уже пора делать выводы, но еще можно изменить планы.

Самый существенный вывод, извлеченный из прожитых лет, сводился к предельно короткой максиме, которая стоила всех философских учений вместе взятых: *стареть – это хорошо*. «Стареть» означает «созревать», то есть становиться не хуже, а лучше – сильнее, мудрее, завершенней. Если же человек, старясь, ощущает не приобретение, а потерю, значит, его корабль сбился с курса.

Продолжая морскую метафору, можно сказать, что рифы пятидесятилетия, где мужчины так часто терпят крушение, Фандорин миновал на полных парусах, с развевающимся штандартом. Правда, чуть не взбунтовалась команда, но обошлось.

Попытка мятежа произошла как раз в день полувекового юбилея, что, конечно, не было случайностью. В сочетании цифр есть безусловная магия, не чувствуют ее лишь люди, начисто лишенные воображения.

Отметив день рождения прогулкой в скафандре по морскому дну (в ту пору Эраст Петрович страстно увлекался водолазанием), он вечером сидел на веранде, смотрел на фланирующую по эспланаде публику, потягивал ромовый пунш, мысленно повторяя «Мне пятьдесят, мне пятьдесят» – будто пытался распробовать непривычный напиток. Вдруг взгляд остановился на дряхлом старичке в белой панаме; высохшую, трясущуюся мумию катил слуга-мулат в кресле на колесиках. Взор мафусаила был мутен, с подбородка свисала нитка слюны.

«Надеюсь, я не доживу до такого возраста», подумал Фандорин – и внезапно понял, что испугался. А еще больше испугался того, что мысль о старости его испугала.

Настроение было испорчено. Он ушел к себе в номер – перебирать нефритовые четки и рисовать на бумаге иероглиф «старость». Когда листок покрылся изображениями символа

во всевозможных стилях, проблема разрешилась, концепция выработалась. Мятеж на корабле был подавлен. Эраст Петрович поднялся до первой ступени мудрости.

Жизнь не может быть спуском, только подъемом – до самого последнего мига. Это раз.

В часто цитируемой пушкинской строфе «Летят за днями дни, и каждый день уносит частицу бытия» содержится смысловая ошибка. Наверное, поэт пребывал в хандре, или же это просто описка. Стихотворение следует читать: «Летят за днями дни, и каждый день *приносит* частицу бытия». Если человек живет правильно, течение времени делает его не беднее, а богаче. Это два.

Старение должно быть выгодной торговой операцией, натуральным обменом физической и умственной крепости на духовную, внешней красоты – на внутреннюю. Это три.

Все зависит от сорта твоего вина. Если оно дешевое, от возраста скиснет. Если благородное, станет только лучше. Отсюда вывод: чем человек делается старше, тем *качественнее* он обязан становиться. Это четыре.

Ну и пятое. Физической и умственной крепостью Эраст Петрович поступаться тоже был не намерен. Для этой цели он разработал специальную программу.

В каждый следующий год жизни нужно осваивать новый рубеж. Даже два рубежа: спортивно-физический и интеллектуальный. Тогда стариться будет не страшно, а интересно.

Довольно быстро составилась перспективный план грядущей экспансии – и такой, что следующих пятидесяти лет могло не хватить.

Из пока еще не осуществленных задач интеллектуального направления Фандорин намеревался: выучить, наконец, как следует немецкий язык, поскольку война с Германией и Австро-Венгрией, очевидно, неизбежна; освоить китайский (тут одного года мало, понадобится два – и то лишь благодаря тому, что иероглифику он уже знает); восполнив постыдный пробел в мирознании, капитально познакомиться с мусульманской культурой, для чего надо будет выучить арабский и проштудировать в оригинале Коран (клади года три); прочитать классическую и современную литературу (на это у Эраста Петровича вечно не доставало времени) – и так далее, и так далее.

Из задач спортивных, ближайшего периода: научиться управлять аэропланом; посвятить годик любопытному и полезному для координации движений олимпийскому развлечению – прыжкам с шестом; заняться альпинизмом; непременно освоить бескафандровое водолазание с ребризером нового типа, где усовершенствованный регулятор подачи кислорода дает возможность совершать длительные погружения на значительную глубину. Эх, всего не перечислишь!

За пять лет, миновавшие со дня, когда Фандорин утратил страх, методика правильного старения успела дать неплохие результаты. Каждый год он поднимался на одну ступеньку – точнее, на две, так что на себя прежнего, пятидесятилетнего, теперь оглядывался сверху вниз.

К пятидесяти первому дню рождения Эраст Петрович в качестве интеллектуального свершения изучил испанский язык, которого ему так не доставало во время плаваний по Карибскому морю. «Ступенькой» для тела стала джигитовка. Верхом он, конечно, ездил и раньше, но не блестяще, а дело-то полезное и к тому же чрезвычайно увлекательное – много приятней поднадоевших гонок на автомобиле.

К пятидесяти двум Фандорин научился говорить по-итальянски и значительно повысил уровень владения кэндзюцу, японским фехтованием. Преподавал ему эту восхитительную науку японский консул барон Сигэяма, обладатель наивысшего дана. К исходу срока Эраст Петрович выигрывал у барона две схватки из трех (и одну-то уступал, только чтоб не обижать сенсея).

Пятьдесят третий год жизни был посвящен, с одной стороны, античной и новой философии (образование Фандорина, увы, исчерпывалось гимназией); с другой езде на мотоцикле, которая по остроте ощущений не уступала конному спорту.

В истекшем 1910 году умом Эраста Петровича владела химия, самая быстро развивающаяся из современных наук, а тело он развлекал жонглированием (вроде бы ерунда, безделица, но оттачивает синхронизацию движений и мелкую моторику).

В нынешнем же сезоне ему показалось логичным от жонглирования перейти к канатоходу – отличное средство для укрепления физического и нервного равновесия.

Интеллектуальные упражнения тоже отчасти были связаны с прошлогодним увлечением химией. Фандорин решил посвятить очередные двенадцать месяцев давнему пристрастию – криминалистической науке. Назначенный срок уже истек, но исследования продол-

жались, поскольку приняли неожиданное и весьма перспективное направление, которым кроме Эраста Петровича, похоже, никто всерьез не занимался.

Речь шла о новых методах разработки свидетелей и подозреваемых: как побудить их к полной откровенности? В варварские времена для этого использовали способ жестокий и малонадежный – пытку. Как выяснилось, максимально полных и достоверных результатов можно достичь, используя сочетание трех типов обработки – психологической, химической и гипнотической. Если человека, обладающего нужной информацией, но не желающего с нею расставаться, сначала правильно типизировать и подготовить, потом ослабить его волю к сопротивлению при помощи определенных препаратов, а затем подвергнуть сеансу гипноза, откровенность будет абсолютной.

Итоги экспериментов выглядели впечатляюще. Однако возникали серьезные сомнения в их практической ценности. Речь даже не о том, что Фандорин ни за что на свете не стал бы делиться своими открытиями с государством (страшно представить, как могли использовать это оружие нещепетильные господа из Охранки или жандармерии). Но и сам Эраст Петрович в ходе очередного расследования вряд ли позволил бы себе превращать другого человека, пускай даже очень плохого, в объект химического воздействия. Иммануилу Канту, утверждавшему, что с людьми нельзя обходиться как со средствами для достижения цели, это бы не понравилось – а после года философских штудий Фандорин считал кенигсбергского мудреца высшим нравственным авторитетом. Поэтому исследование криминалистической «проблемы откровенности» для Эраста Петровича носило скорее отвлеченно-научный характер.

Правда, открытым оставался вопрос об этичности применения новой методики при расследовании особенно чудовищных злодеяний, а также преступлений, чреватых сугубой опасностью для общества и государства.

Именно на эту тему Фандорин сосредоточенно размышлял уже четвертый день – с того момента, когда стало известно о покушении на жизнь председателя совета министров Столыпина. Вечером 1 сентября в Киеве некий молодой человек дважды выстрелил в главного деятеля российской политической жизни.

В этом событии многое выглядело фантазмагорически. Во-первых, кровавая драма произошла не где-нибудь, а в театре, на глазах у многочисленной публики. Во-вторых, спектакль был превеселый – «Сказка о царе Салтане». В-третьих, в зале присутствовал не сказочный, а самый настоящий царь, которого убийца не тронул. В-четвертых, театр охранялся так, что никакой Гвидон туда не проник бы даже под видом комара. Зрителей пускали лишь по личным пропускам, выдаваемым Охранным отделением. В-пятых – самое фантастическое – у террориста такой пропуск имелся, причем не поддельный, а настоящий. В-шестых, убийца сумел не только войти в театр, но и пронести огнестрельное оружие...

Судя по сведениям, доходившим до Эраста Петровича (а источники информации у него были точные), никаких ответов, способных разрешить эту загадку, арестованный пока не давал. Вот где пригодились бы новые способы допроса!

Пока умирал глава правительства (ранение, увы, было смертельным), пока неумелые следователи попусту тратили время, огромная империя, и без того отягощенная многочисленными проблемами, колыхалась и качалась – того и гляди опрокинется, словно перегруженная телега, из которой на крутом повороте выпал возница. Слишком много значил для державы Петр Столыпин.

Отношение Фандорина к этому человеку, в течение пяти лет почти безраздельно управлявшему Россией, было сложным. Уважая в премьерe мужество и решительность, Эраст Петрович многое в столыпинском курсе считал неправильным, даже опасным. Однако не вызывало сомнений, что гибель Столыпина наносит страшный удар по государству, грозит

стране погружением в новый хаос. Сейчас очень многое зависело от скорости и эффективности расследования.

Можно было не сомневаться, что Фандорина привлекут к этой работе в качестве независимого эксперта. Такое неоднократно происходило и прежде, если следствие заходило в тупик в каком-нибудь чрезвычайном деле, а уж дела экстренней и важнее киевского покушения вообразить невозможно. Тем более что Эраст Петрович с председателем совета министров был знаком – несколько раз по его просьбе участвовал в головоломных или особенно деликатных расследованиях государственного значения.

Времена, когда Фандорин из-за ссоры с властями предрежащими был вынужден на долгие годы оставить свою страну и родной город, остались в прошлом. Личный недоброжелатель Эраста Петровича, некогда самый могущественный человек Первопрестольной (вернее, то немногое, что осталось от его августейшего тела) давно почивал в помпезном склепе, не слишком оплакиваемый горожанами. Ничто не мешало Фандорину проводить в Москве столько времени, сколько он пожелает. Ничто – кроме привычки к приключениям и новым впечатлениям.

Бывая в городе, Эраст Петрович жил в съемном флигеле по Малому Успенскому переулку, в обиходе называемому Сверчковым. Давным-давно, лет тому с двести, построил тут каменные палаты какой-то купец Сверчков. Не стало купца, у терема много раз поменялись владельцы, а уютное название осталось в цепкой московской памяти. Отдыхая от странствий или расследований, Фандорин жил здесь размеренно и тихо – запечным сверчком.

Жилище было удобное и для двоих вполне просторное: шесть комнат, ванная, водопровод, электричество, телефон – за 135 рублей в месяц вместе с углем для голландского отопления. Именно в этих стенах по большей части и выполнялась интеллектуально-спортивная программа, изобретенная отставным статским советником. Иногда он с удовольствием представлял, как, пресытившись путешествиями и приключениями, поселится в Сверчковом переулке постоянно, всецело отдавшись увлекательному процессу старения.

Когда-нибудь. Еще не сейчас. Нескоро. Вероятно, после семидесяти.

До пресыщенности Эрасту Петровичу пока было далеко. За пределами сверчковского запечья оставалось слишком много всяких фантастически интересных мест, происшествий и явлений. Некоторые были отделены тысячами километров, некоторые – веками.

Лет десять назад Фандорин всерьез увлекся подводным миром. Даже построил по собственному проекту субмарину, приписанную к далекому острову Аруба, и постоянно совершенствовал ее конструкцию. Это требовало нешуточных расходов, но после того, как при помощи подводной лодки удалось поднять с морского дна драгоценный груз, хобби не только окупало себя с лихвой, но освободило Эраста Петровича от необходимости получать гонорар за расследования и детективно-криминалистическое консультирование.

Теперь он мог браться лишь за самые интересные дела или за такие, от которых по той или иной причине было невозможно отказаться. В любом случае, статус человека, оказывающего благодеяние или услугу, гораздо приятнее положения наемного работника, пускай даже авторитетного.

В покое Фандорина оставляли редко и ненадолго. Виной тому была репутация, которой он достиг в профессиональных международных кругах за последние двадцать лет. Со времен злосчастной японской войны за помощью к независимому эксперту часто обращалось и собственное государство. Бывало, что Эраст Петрович отказывался – его представления о добре и зле не всегда совпадали с правительственными. Например, он крайне неохотно брался за дела внутривосточные, если это только не было какое-нибудь особенно гнусное злодейство.

Вот история с покушением на премьеру пахла именно что гнусностью. Слишком много тут было необъяснимых странностей. По конфиденциально полученным сведениям, кое-кто в Петербурге придерживался того же мнения. Столичные друзья сообщили Фандорину по телефону, что вчера в Киев отправился министр юстиции, дабы лично возглавить следствие. Это означает, что Охранке и Департаменту полиции доверия нет. Не сегодня-завтра привлекут к расследованию и «независимого эксперта» Фандорина. А если не привлекут, значит, гниль в государственном аппарате распространилась до самого верха...

Как действовать, Эраст Петрович уже знал.

Насчет химического способа воздействия еще следовало подумать, но уж психологический и гипнотический методы к убийце применить вполне возможно. Надо полагать, их окажется достаточно. Террорист Богров должен открыть главное: чьим он был орудием, кто именно обеспечил его пропуском и пустил в театр с револьвером.

А еще недурно бы понудить к откровенности начальника киевского охранного отделения подполковника Кулябко и вице-директора департамента полиции статского советника Веригина, отвечавшего за меры безопасности. С этими в высшей степени подозрительными господами, учитывая их род занятий и общую нещепетильность, пожалуй, можно не чистоплюйничать. Гипнотизировать они себя вряд ли позволят, но посидеть бы с каждым тет-а-тет, в неофициальной обстановке, да капнуть секретного препарата подполковнику в его любимый коньяк, а трезвеннику Веригину в чай. И о загадочном пропуске расскажут, и о том, почему рядом с премьером в антракте не оказалось ни одного телохранителя. Это при том, что за Петром Аркадьевичем уж который год охотились и эсеры, и анархисты, и просто одиночки-тираноборцы...

Мысль о том, что к покушению на главу правительства могут быть причастны органы, ответственные за охрану империи, приводила Фандорина в содрогание. Четвертый день он бродил по квартире сам не свой, то перебирая зеленые четки, то рисуя на бумаге какие-то одному ему понятные схемы. Курил сигары, все время требовал чаю, но почти ничего не ел.

Маса – слуга, друг, единственный на свете близкий человек – отлично знал, что, когда господин в таком состоянии, его лучше не трогать. Японец все время был неподалеку, но на глаза не лез, вел себя тише воды. Отменил два любовных свидания, за чаем в китайскую лавку гонял дворничиху. Узкие глаза восточного человека азартно поблескивали – Маса ждал интересных событий.

В прошлом году верному наперснику тоже сравнялось пятьдесят, и он отнесся к этапной дате с истинно японской серьезностью. Переменил свою жизнь еще более радикальным образом, чем господин.

Во-первых, согласно древней традиции, наголо обрился – в знак того, что внутренне переходит в монашеское состояние и, готовясь удалиться в мир иной, отрешается от всего суетного. Правда, Фандорин пока не замечал, чтобы Маса хоть как-то изменил свои селадонские привычки. Впрочем, правила японских монахов не предписывают плотского воздержания.

Во-вторых, Маса решил взять новое имя, чтобы уж совсем разорвать с собою прежним. Тут обнаружилась сложность: оказалось, что по законам Российской империи изменить свое прозвание можно лишь при крещении. Но японца препятствие не остановило. Он с удовольствием принял православие, повесил на грудь солидного размера крестик, начал истово креститься на все купола и даже на колокольный звон, что не мешало ему по-прежнему жечь благовония перед домашним буддийским алтарем. Согласно документам, звали его теперь не Масахиро, а Михаил Эрастович (по крестному отцу). Пришлось Фандорину поделиться с новоиспеченным рабом Божьим и своей фамилией – японец просил об этом как о самой

великой награде, которой сюзерен может пожаловать преданного вассала за долгую и усердную службу.

Паспорт паспортом, но Эраст Петрович выговорил себе право называть слугу по-прежнему – Масой. И безжалостно пресек попытки крестника именовать господина «отоосан» (отец) и тем более «батьюська».

Сидели, стало быть, Эраст Петрович с Михаилом Эрастовичем безвылазно четверо суток дома, нетерпеливо поглядывая на телефон в ожидании вызова. Лакированный ящик молчал. По пустякам Фандорина беспокоили редко, ибо мало кто знал его номер.

В понедельник 5 сентября, в три часа пополудни, наконец позвонили.

Трубку схватил Маса – он как раз надраивал аппарат бархатной тряпкой, будто хотел умиловить капризное божество.

Фандорин вышел в другую комнату и встал у окна, внутренне готовясь к важному объяснению. «Потребовать максимальных полномочий и абсолютной свободы действий, сразу же, – думал он. – Иначе не соглашаться. Это раз...»

Из двери выглянул Маса. Его лицо было сосредоточено.

– Я не знаю, чьего звонка вы ждали все эти дни, господин, но полагаю, это он и есть. У дамы дрожит голос. Она говорит, дело очень срочное, *те-редзу-би-тай-ной вазьносчи*. – Последние слова Маса произнес по-русски.

– Д-дама? – удивился Эраст Петрович.

– Сказара «Орига».

Отчества Маса считал излишней декорацией, плохо их запоминал и часто опускал.

Недоумение Фандорина разрешилось. Ольга... Ну разумеется. Этого следовало ожидать. В таком запутанном, чреватом непредсказуемыми осложнениями деле власть не хочет напрямую просить о помощи частное лицо. Уместнее действовать через семью. С Ольгой Борисовной Столыпиной, женой раненого премьер-министра, правнучкой великого Суворова, Фандорин был знаком. Женщина твердая, умная, такую не сломят никакие удары судьбы.

Она, конечно, знает, что очень скоро станет вдовой. Не исключено, что телефонирует по собственной инициативе, чувствуя, что официальное расследование ведется странно.

Глубоко вздохнув, Эраст Петрович взял трубку.

– Фандорин. С-слушаю.

Ай, как нехорошо!

– Эраст Петрович, ради меня, ради нашей дружбы, ради милосердия, ради моего покойного мужа, наконец, не отказывайте мне! – быстро заговорил звучный женский голос, безусловно знакомый, но искаженный волнением. – Вы человек благородный и отзывчивый, я знаю, вы не сможете мне отказать!

– Значит, он умер... – Фандорин склонил голову, хоть вдова видеть этого и не могла. С искренним чувством сказал. – Примите мои г-глубочайшие соболезнования. Это не только ваше личное горе, это огромная потеря для всей России. Вы человек сильный. Я знаю, вы не потеряетесь. А я, со своей стороны, конечно же, сделаю всё, что смогу.

После паузы голосом, в котором слышалось некоторое замешательство, дама сказала:

– Благодарю вас, но я уже как-то свыклась. Время врачует раны...

– Время?

Эраст Петрович с изумлением уставился на телефон.

– Ну да. Ведь Антон Павлович умер семь лет назад... Это Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Я вас, должно быть, разбудила?

Ай, как нехорошо! Метнув яростный взгляд на ни в чем не повинного Масу, Фандорин покраснел. Неудивительно, что голос показался ему знакомым. С вдовой писателя его связывали давние приятельские отношения – оба состояли в комиссии по чеховскому наследию.

– Б-бога ради п-простите! – воскликнул он, заикаясь сильнее обыкновенного. – Я принял вас за... Неважно...

Последствием глупого и, в сущности, комичного недоразумения было то, что Фандорин с самого начала разговора оказался в положении человека оправдывающегося, виноватого. Если б не это, скорее всего он ответил бы на просьбу актрисы вежливым отказом, и вся его последующая жизнь сложилась бы совсем иначе.

Но Эраст Петрович был смущен, да и слово благородного мужа – не воробей.

– Вы действительно сделаете для меня всё, что можете? Ловлю вас на обещании, – сказала Ольга Леонардовна уже менее взволнованно. – Зная вас как рыцаря и человека чести, не сомневаюсь, что история, которую я вам расскажу, не оставит вас равнодушным.

Впрочем, и без конфузного начала беседы отказать в просьбе этой женщине Фандорину было бы непросто.

В обществе отношение к вдове Чехова было неодобрительным. Почиталось хорошим тоном осуждать ее за то, что она предпочитала блистать на сцене и весело проводить время в кругу своих талантливых друзей из Художественного театра, а не ухаживать за смертельно больным писателем в его тоскливом ялтинском уединении. Не любила, не любила! Вышла замуж за умирающего из холодного расчета, чтоб и чеховской славы зацепить, и своей не упустить, да еще обеспечить себе козырное имя для последующей сценической карьеры, – таков был общий глас.

Эраста Петровича эта несправедливость возмущала. Покойный Чехов был человеком зрелым и умным. Знал, что женится не просто на женщине, а на выдающейся актрисе. Ольга Леонардовна была готова бросить сцену, чтобы неотлучно находиться с ним рядом, но хорош мужчина, который согласится принять такую жертву. Любить – означает желать любимому счастья. Без великодушия цена любви – медный грош. И то, что жена дала мужу победить в этой борьбе великодуший, правильно. Главное, что перед смертью она была с ним и облегчила его уход. Она рассказывала, что в самый последний вечер он много шутил и они от души смеялись. Чего ж еще желать? Хорошая смерть. Ни у кого нет права осуждать эту женщину.

Все эти мысли уже не в первый раз пронесли в голове Эраста Петровича, пока он слушал сбивчивый, маловразумительный рассказ актрисы. Речь шла о какой-то Элизе, подруге Ольги Леонардовны и, кажется, тоже артистке. Что-то там у этой Элизы стряслось, отчего «бедняжка пребывает в постоянном смертном страхе».

– Прошу извинить, – вклинился Эраст Петрович, когда собеседница прервалась, чтобы всхлипнуть. – Я не п-понял. Альтаирская и Луантэн – это одна особа или две?

– Одна! Элиза Альтаирская-Луантэн – это ее полное имя. Раньше у нее был сценический псевдоним «Луантэн», а потом она вышла замуж и стала вдобавок «Альтаирская», по мужу. Правда, они скоро расстались, но согласитесь, для актрисы было бы глупо отказываться от такой красивой фамилии.

– И все-таки я не вполне... – Фандорин морщил лоб. – Эта дама чего-то боится, вы очень красноречиво описали ее нервическое состояние. Но что именно ее пугает?

«И, главное, чего вы от меня-то хотите?» – мысленно прибавил он.

– Она не говорит, в том-то и дело! Элиза человек очень закрытый, никогда ни на что не жалуется. Для артистки это такая редкость! Но вчера она была у меня в гостях, мы очень хорошо поговорили, и что-то на нее нашло. Она разрыдалась, упала мне на грудь, залепетала, что ее жизнь – кошмарный сон, что она этого больше не вынесет, что она затравлена и измучена. Когда же я стала приставать с расспросами, Элиза вдруг ужасно побледнела, закусил губу и больше я не могла вытянуть из нее ни слова. Она явно раскаивалась в своей откровенности. В конце концов пролепетала что-то невнятное, попросила меня простить ей минутную слабость и убежала. Я не спала ночь, я не могу найти себе места весь день! Ах, Эраст Петрович, я давно знаю Элизу. Она не истеричка и не фантазерка. Я уверена, ей угрожает опасность, причем такого рода, что нельзя рассказать даже подруге. Умоляю вас ради всего, что нас связывает: выясните, в чем там дело. Для вас это пустяк, вы ведь мастер разгадывать тайны. Как гениально отыскивали вы пропавшую рукопись Антона Павловича! – напомнила она Фандорину об истории, с которой началось их знакомство, и он поморщился на столь откровенную лесть. – Я помогу вам попасть в круг ее общения. Элиза сейчас героиней в «Ноевом ковчеге».

– Кем? Г-где? – удивился Эраст Петрович.

– Занимает амплу героини в этом новомодном театре, который пытается соперничать с Художественным, – пояснила Ольга Леонардовна тоном, в котором сквозила снисходительность – то ли к театральному невежеству Фандорина, то ли к безумцам, осмеливающимся конкурировать с великим МХТ. – «Ноев ковчег» приехал на гастроли из Петербурга, чтобы поразить и покорить московскую публику. Билет достать невозможно, но я всё устроила. Вас пустят на лучшее место, чтобы вы могли хорошо к ним всем присмотреться. А потом наведаетесь за кулисы. Я протелефонирую Ною Ноевичу (это их руководитель, Ной Ноевич Штерн), скажу, чтоб оказал вам полное содействие. Он водит вокруг меня хороводы, всё надеется переманить к себе, так что выполнит мою просьбу, не задавая лишних вопросов.

Эраст Петрович сердито пнул ножку стула, от чего она треснула пополам. Пустейшее, смехотворное дело – ипохондрические капризы какой-то примадонны с невообразимым именем, а отказать совершенно невозможно. И это в момент, когда он ждет приглашения участвовать в расследовании исторического, можно даже сказать эпохального преступления!

Цокая языком, Маса взял покалеченный предмет мебели. Попробовал сесть – стул покосился.

– Вы молчите? Неужто вы откажете мне в этой маленькой просьбе? Если еще и вы покинете меня, я этого не переживу! – сказала вдова великого литератора с интонацией Аркадиной, взывающей к Тригोरину.

– Разве я п-посмел бы, – уныло сказал Эраст Петрович. – Когда нужно быть в театре?

– Вы прелесть! Я знала, что могу на вас положиться! Спектакль сегодня в восемь. Сейчас я всё вам объясню...

Ничего страшного, успокаивал себя Фандорин. В конце концов эта выдающаяся женщина заслуживает того, чтоб я потратил на ее блажь один вечер. Ну а если до того времени

позвонят по столыпинскому делу, объясню ей, что тут проблема государственной важности...

Но до вечера ни из Петербурга, ни из Киева не протелефонировали. Эраст Петрович надел белый галстук и, тщетно борясь с раздражением, отправился на спектакль. Маше было велено не отлучаться от аппарата и в случае чего нестись в театр на мотоцикле.

День памяти Елисаветы

Сам Фандорин поехал на извозчике, зная, что в час, когда одновременно идут спектакли в Большом, Малом и Новейшем, на Театральной площади тарировать автомобиль будет негде. В прошлый раз, будучи на вагнеровской «Валькирии», он неосторожно оставил свою «изотту-фраскини» между двумя пролетками, и разрезавшийся рысак ударом шипованной подковы расколотил ему хромированный радиатор – новый потом два месяца доставляли из Милана.

За несколько часов, прошедших после звонка актрисы, Эраст Петрович собрал кое-какие сведения о театре, где ему предстояло провести вечер.

Оказалось, что эта труппа, в прошлый сезон возникшая в Санкт-Петербурге, успела произвести фурор в первой столице, очаровав публику и поделив критику на две непримиримые фракции, одна из которых превозносила гений режиссера Штерна до небес, а другая обзывала его «шарлатаном от искусства». Много писали и об Элизе Альтаирской-Луантэн, но здесь гамма мнений была несколько иная: от восторженно-обожаяющей у благорасположенных рецензентов до сочувственной у злобных – жаль-де талант превосходной артистки, вынужденной губить свое дарование в претенциозных постановках г. Штерна.

В общем, писали о «Ноевом ковчеге» много и горячо, просто Фандорин никогда не дочитывал газет до страницы, где обсуждаются театральные новости. Эраст Петрович, увы, не любил драматического искусства, совершенно им не интересовался, и, если бывал в театре, то исключительно в опере либо в балете. Хорошие пьесы предпочитал читать глазами, чтоб не портить впечатления режиссерскими амбициями и дурной игрой (ведь даже в самом расчудесном спектакле обязательно найдется актер или актриса, кто сфальшивит и всё испортит). Театр казался Фандорину искусством, обреченным на умирание. Вот наберет силу кинематограф, овладеет звуком и цветом – кто тогда станет тратить немалые деньги, чтоб лицезреть картонные декорации и прикидываться, будто не слышишь суфлерского шепота, не замечаешь колыхания занавеса и перезрелости примадонн?

Для московских гастролей «Ноев ковчег» арендовал здание бывшего Новейшего театра, которое теперь принадлежало некоей «Театрально-кинематографической компании».

Прибыв на знаменитую площадь, Эраст Петрович был вынужден сойти у фонтана – подъехать к самому подъезду из-за скопления экипажей и публики было невозможно. При этом бросалось в глаза, что толчея перед Новейшим театром гораздо гуще, чем перед расположенным напротив Малым с его вечной «Грозой» и даже перед Большим, где нынче открывали сезон «Гибелью богов».

Как и намеревался, вначале Фандорин направился к афише, чтобы ознакомиться с составом труппы. Скорее всего, как это, кажется, принято в актерском мире, душераздирающие страдания премьерши вызваны интригами кого-то из коллег. Чтоб разгадать эту ужасную тайну и скорее покончить с дурацкой историей, следовало переписать имена фигурантов.

Название спектакля окончательно испортило настроение театралу поневоле. Мрачным взором он глядел на щегольской плакат с виньетками, думая, что вечер окажется еще мучительнее, чем предполагалось.

**ТРУППА ТЕАТРА
«НОВЕ КОВЧЕГ»**

сегодня 5 сентября, в день памяти святой Елисаветы,
впервые в Москве
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**БЕДНАЯ
ЛИЗА**

Трагедия
В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ ПО МОТИВАМ
КАРАМЗИНА

Постановка Ноя Штерна

Участвующие:

Г-ЖА АЛТАИРСКАЯ-ЛУАНТЭН — Лиза, крестьянская дочь
Г. СМАРАГДОВ — Эраст, молодой дворянин
Г-ЖА РЕГИНИНА — мать Лизы
Г. РАЗУМОВСКИЙ — дух отца Лизы
Г. ЛОВЧИЛИН — Яша, молодой пастух
Г-ЖА КЛУБНИКИНА — Марфинька, пастушка
Г-ЖА ЛИСИЦКАЯ — богатая вдова
Г. МЕФИСТОВ — шулер
Г-ЖА ДУРОВА — Фролка, соседский мальчик
Г. ПРОСТАКОВ — Шацкий, однополчанин Эраста
Г. ДЕВЯТКИН — прохожий; человек из игорного клуба; лакей; статуя Пана
Г. ШТЕРН — Смерть

ИСПОЛНЯЕТСЯ БЕЗ АНТРАКТА
ВОЗВЫШЕННЫЕ ЦЕНЫ НА МЕСТА

Карамзинскую повесть, считающуюся шедевром сентиментализма, Эраст Петрович очень не любил, на что у него были личные, весьма серьезные основания, не имеющие отношения к литературе. Еще болезненней было прочесть, что спектакль посвящен «памяти святой Елисаветы».

Как раз в этом месяце исполнится тридцать пять лет, подумал Фандорин, на миг закрыл глаза и содрогнулся, изгоняя страшное воспоминание.

Чтоб мобилизоваться, дал волю раздражению.

– Дурацкая фантазия – ставить в двадцатом веке старомодную д-дребедень! – пробормотал он. – И где там сюжет на целую «трагедию в трех действиях», хоть бы даже и без антракта? Еще цены на места у них возвышенные!

– Местом интересуетесь, сударь? – сунулся ему под локоть человек в надвинутом на глаза кепи. – Есть билет в кресла. Мечтал посетить представление лично, но вынужден отказаться по семейным обстоятельствам. Могу уступить. Покупал через третьи руки, так что, извините, дорогонько. – Окинул быстрым взглядом лондонский смокинг, геометрически идеальные воротнички, черную жемчужину в галстуке. – Четвертная-с...

Неслыханно! Двадцать пять рублей за место даже не в ложе, а просто в креслах! Одна из заметок о гастролях «Ноева ковчега», преядовитая, под названием «Возвышенные цены», была посвящена невероятной дороговизне билетов на спектакли приезжей труппы. Ее руководитель господин Штерн обладал незаурядными предпринимательскими способностями. Он придумал эффектнейший способ продажи билетов. Стоимость мест в ложах, партере и бельэтаже вдвое, а то и втрое превышала обычную; зато ярусы и галерка вовсе не поступали в кассу, а предназначались для учащейся молодежи – посредством дешевой лотереи. Среди студентов и курсисток лотерейные билеты распространялись по полтиннику; выигрышных было по одному на десяток. Тот, кому повезло, мог либо сам сходить в театр, о котором все писали и говорили, либо продать билет перед спектаклем, получив за свои пятьдесят копеек очень недурной куш.

Эта придумка, глубоко возмущавшая автора газетной статейки, показалась Фандорину остроумной. Во-первых, выходило, что самые дешевые места у Штерна все равно уходят по пяти рублей (столько стоило хорошее кресло в Большом театре). Во-вторых, о «Ноевом ковчеге» судила и рядила вся студенческая Москва. В-третьих, на спектакли приходило много молодежи, а именно ее энтузиазм больше всего способствует успеху театра.

Не удостоив спекулянта ответом, хмурый Эраст Петрович прошествовал к двери с табличкой «Администратор». Если бы пропуск надо было получить внутри, Фандорин развернулся бы и ушел. Протискиваться через столько спин он бы ни за что не стал. Но Ольга Леонардовна сказала: «В пяти шагах справа от двери, на ступеньках, будет человек с зеленым портфелем...»

И действительно: ровно в пяти шагах от штурмующей дверь толпы, прислонясь к стене, стоял очень высокий, широкоплечий мужчина в полосатом американском костюме, который несколько контрастировал с грубым, будто слепленным из бурой глины лицом. Человек этот был невозмутим, на галдящих поклонников Мельпомены не смотрел, а стоял себе, насвистывая; локтем он прижимал кокетливый бархатный портфель зеленого цвета.

Подойти к полосатому господину у Фандорина получилось не сразу – все время кто-то просовывался вперед. Эти люди были чем-то неуловимо похожи на пройдоху, пытавшегося слупить с Эраста Петровича двадцать пять рублей за билет: такие же вертлявые, тенеобразные, с торопливой приглушенной речью.

Обладатель зеленого портфеля отделялся от них быстро, не произнося ни слова – лишь свистел. Одному коротко и насмешливо, после чего человечек немедленно исчез. Другому угрожающе – тот попятился. Третьему одобчительно.

Распорядитель барышников-перекупщиков, определил Фандорин. Ему наконец наскучило слушать художественный свист и наблюдать беспрестанное мелькание. Он шагнул на ступеньку, удержал за плечо очередную невесть откуда вынырнувшую тень и, согласно инструкции, произнес:

– От госпожи Книппер.

Откликнуться свистун не успел. Снова между ним и Фандориным влез кто-то третий. Хватать его за плечо или иную часть тела Эраст Петрович не стал – из уважения к мундиру. Это был офицер, гусарский корнет, да еще гвардеец.

– Сила Егорович, умоляю! – вскричал молодой человек, глядя на полосатого господина совершенно сумасшедшими глазами. – В партер! Не далее шестого! Ваши совсем осатанели, требуют две красненьких! Пускай, но в долг. Я все, что было, на корзину с цветами потратил. Вы знаете, Владимир Лимбах всегда расплачивается! Ей-богу, я застрелюсь!

Барышник лениво посмотрел на отчаянного корнета и равнодушно присвистнул.

– Билетов нет. Кончились. Могу дать контрамарку без места, из дружеского расположения.

– Ах, вы же знаете, офицеру без места нельзя!

– Ну как угодно... Минуточку, сударь.

Последние слова, как и почтительная улыбка, с трудом давшаяся этой глиняной физиономии, адресовались Эрасту Петровичу.

– Вот, извольте. Пропуск в четвертую ложу. Мое почтение Ольге Леонардовне. Всегда готовы услужить.

Провожаемый ласковым посвистыванием барышника и завистливым взглядом гусара, Фандорин пошел к главному входу.

– Ладно, давайте хоть контрамарку! – донеслось сзади.

Странный мир

Ложа номер четыре оказалась лучшей из всех. Будь театр не частным, а императорским, ее, вероятно, называли бы «царской». Семь кресел с золочеными спинками – три в первом ряду, четыре во втором – были в полном распоряжении единственного зрителя. Тем впечатлительней был контраст с остальным залом, где буквально яблоку негде было упасть. До начала спектакля оставалось еще минут пять, но публика вся уже сидела, словно каждый опасался, не объявится ли претендент на то же место. И небезосновательно: в двух или трех местах капельдинеры успокаивали взволнованных людей, потрясавших билетами. Одна сцена разыгралась прямо под фандоринской ложей. Полная дама в горностаевом боа, чуть не плача, восклицала:

– Как фальшивые? Где ты купил эти билеты, Жако?

Багровый Жако лепетал, что у очень приличного господина, по пятнадцати рублей. Привычные к подобным происшествиям служители уже тащили два дополнительных стула.

В ярусах сидели еще плотней, даже стояли в проходах. Там преобладали молодые лица, студенческие тужурки, белые блузки курсисток.

Ровно в восемь часов, сразу после третьего звонка, свет в зале погас, двери зала плотно закрылись. Правило начинать спектакль вовремя и не пускать опоздавших завел Художественный театр, но даже и там оно не соблюдалось с такой неукоснительной строгостью.

Сзади послышался скрип.

Эраст Петрович, сидевший падишахом на центральном переднем кресле, обернулся и не без удивления увидел давешнего гусара, обещавшего застрелиться.

Корнет Лимбах – так, кажется, его звали – прошептал:

– Вы один? Отлично! Не возражаете, если я сяду? Куда вам столько мест?

Фандорин пожал плечами – ради Бога, не жалко. Пересел вправо, чтобы не тесниться. Однако офицер предпочел устроиться у него за спиной.

– Ничего, я здесь, – сказал корнет, вынимая из чехла полевой бинокль.

Дверь ложи опять скрипнула.

– Черт его принес! Не выдавайте, я с вами! – еле слышно прошелестел в ухо Фандорину корнет.

Вошел средних лет мужчина во фраке и накрахмаленной рубашке, с таким же, как у Эраста Петровича белым галстуком, только жемчужина в нем была не черная, а серая. Банкир или преуспевающий адвокат, предположил Фандорин, мельком глянув на холеную бородку и торжественно поблескивающую лысину.

Вошедший учтиво поклонился.

– Царьков. А вы – знакомый несравненной Ольги Леонардовны. Всегда рад...

Из этих слов можно было заключить, что господин Царьков – владелец чудесной ложи и что именно его актриса попросила о месте. Было не совсем понятно, какое к этому имеет отношение свистун с зеленым портфелем, но Эраст Петрович не собирался ломать над этим голову.

– Молодой человек с вами? – спросил любезный хозяин, покосившись на корнета (тот разглядывал в бинокль лепнину потолка).

– Да.

– Ну что ж, милости прошу...

Несколько минут, остававшихся до начала – пока публика шуршала, скрипела и сморкалась – новый сосед вполголоса рассказывал Фандорину о «Ноевом ковчеге», причем с таким знанием дела, что первоначальное мнение пришлось переменить: не банкир и не адвокат, а, вероятно, какой-то важный театральный деятель или влиятельный рецензент.

– Есть разные мнения относительно режиссерского таланта Штерна, но в деловом отношении он несомненный гений, – словоохотливо начал господин Царьков, адресуясь исключительно к Фандорину, будто они сидели в ложе вдвоем. Впрочем, корнет Лимбах, кажется, был рад, что на него не обращают внимания.

– Он начал давать спектакли за неделю до открытия сезона и, что называется, использовал монополию на всю катушку. Публика повалила к нему, во-первых, потому, что больше ходить было некуда. А во-вторых, он выстрелил подряд тремя постановками, о которых в прошлом сезоне спорил весь Петербург. Сначала показал «Гамлета», потом «Трех сестер», теперь вот «Бедную Лизу». Причем заранее объявил, что каждый спектакль демонстрируется один раз, без повторов. Смотрите, что творится в третий вечер. – Знаток театральной жизни обвел рукой переполненный зал. – Здесь еще и коварный удар по главному конкуренту – Художественному театру. Они ведь намеревались в этом году удивить публику новыми постановками именно «Трех сестер» и «Гамлета». Уверяю вас, что после Штерна любая, даже самая новаторская трактовка покажется зрителям пресной. А «Бедная Лиза» – это просто эпатаж. Ни Станиславский, ни Южин не осмелились бы выходить с таким драматургическим материалом на современную сцену. Но я видел спектакль в Петербурге. Уверяю вас, это нечто! Луантэн в роли Лизы божественна! – Лысый господин смачно поцеловал кончики пальцев, на одном из которых блеснул внушительный бриллиант.

Вряд ли рецензент, подумал Эраст Петрович. Откуда у рецензента солитер на дюжину каратов?

– Но самое интересное впереди. Я очень многого ожидаю от «Ковчега» в этом сезоне. Дав залп из трех сверханшлаговых спектаклей, они на месяц прекращают выступления. Хитрый Штерн предоставляет возможность Художественному, Малому и Коршу показать публике свои новинки – как бы отходит в сторону. После этого, в октябре обещает дать собственную премьеру, и, конечно, заманит к себе всю Москву.

Хоть Фандорин и мало что смыслил в театральных обыкновениях, но это показалось ему странным.

– П-позвольте, но ведь здание арендовано? Как же театр может целый месяц жить без сборов?

Царьков хитро подмигнул:

– «Ковчег» может себе позволить такую роскошь. «Театрально-кинематографическая компания» предоставила им аренду с полным обслуживанием по цене один рубль в месяц. О, Штерн умеет устраиваться! За месяц-полтора они подготовят совершенно новую постановку, с нуля. Неизвестно, что это будет за пьеса, но уже сейчас за хороший билет на премьерный показ дают до пятидесяти рублей!

– То есть как это «неизвестно»?

– А так! Расчет на эффект. Завтра у них сбор труппы, на котором Штерн объявит актерам, какую они ставят пьесу. Послезавтра об этом напишут все газеты. И готово: публика станет с нетерпением ждать премьеры. Что бы они ни поставили. О, милостивый государь, поверьте моему чутью. Благодаря «Ноеву ковчегу» Москву ожидает небывало плодородный сезон!

Сказано это было с неподдельным чувством, и Эраст Петрович поглядел на соседа с уважением. Такая искренняя, бескорыстная любовь к искусству не могла не вызвать почтения.

– Но тсс! Начинается. Что сейчас будет – все ахнут, – хихикнул театрал. – Этого фокуса Штерн в Петербурге не показывал...

Занавес открылся. Весь задник был затянут белой тканью. Вдруг на ней высветился прямоугольник. Это был экран! На нем появилась карета, запряженная четверкой лошадей. Они неслись вскачь.

Соединение кинематографа с театром? Любопытно, подумал Эраст Петрович.

Прав был знаток – по партеру и ярусам пронесся восторженный вздох.

– Умеет взять зрителя с первой же минуты, чертяка, – прошептал, перегнувшись, Царьков – и шлепнул себя по губам: мол, виноват, умолкаю.

Заиграла пасторальная музыка, на экране появилась надпись:

«Однажды, в исходе царствования великой Екатерины, молодой блестящий гвардеец возвращался из полка в свое имение...»

Постановка оказалась в высшей степени изобретательной, с массой находок, игривая и в то же время философская, в прекрасных декорациях и костюмах, созданных модным художником из «мирискусников». Короткая притча о бедной простушке, утопившейся из-за предательства любимого, была обогащена фабульными поворотами. Появились дополнительные персонажи, частью совершенно новые, частью – поминаемые у Карамзина мимоходом. Спектакль был посвящен страстной, попирающей все запреты любви – ведь бедная Лиза отдается своему Эрасту, не заботясь ни о молве, ни о последствиях. Спектакль повествовал о самоотверженной женской смелости, о мужской трусости перед общественным мнением; о слабости Добра и силе Зла. Последнее очень живо и выпукло олицетворяли богатая вдова (артистка Лисицкая) и шулер (артист Мефистов), нанятый ею, чтобы разорить увлекающегося Эраста и вынудить его к женитьбе по расчету.

Для воссоздания исторической Москвы, пейзажей, явлений природы активно использовался кинематографический экран. Превосходно была задумана сцена с призраком отца Лизы (артист Разумовский), которого подсвечивал голубой луч прожектора. Впечатляли монолог и танец Смерти, заманивающей девушку в пруд (эту роль исполнял сам господин Штерн).

Но более всего поразил публику трюк со скульптурой. Почти все второе действие разворачивалось у статуи Пана, символизирующего пасторальную чувственность любовной линии. Через минуту зрители, разумеется, перестали обращать на статую внимание, сочтя ее принадлежностью декорации. Каков же был восторг, когда в конце акта античный божок вдруг ожил и заиграл на своей свирели!

Впервые Эраст Петрович увидел труппу, в которой, пожалуй, не чувствовалось перепада в уровне актерской игры. Все артисты, даже исполнители маленьких ролей, были безупречны. Выход каждого был истинным фейерверком.

Однако многочисленные достоинства постановки Фандориным были едва замечены. С той минуты, как на сцене первый раз появилась Альтайрская-Луантэн, спектакль поделился для него на две неравноценные части: картины, в которых она играла, и картины, где ее не было.

Едва зазвучал нежный голос, напевающий простенькую песенку о полевых цветах, и будто чьи-то безжалостные пальцы стиснули сердце доселе равнодушного зрителя. Он узнал этот голос! Думал, что забыл, а, оказывается, помнил все эти годы!

И фигура, походка, поворот головы – всё было в точности такое же!

– Разрешите...

Фандорин, повернувшись, чуть не силой вырвал у корнета бинокль.

Лицо... Нет, лицо было другое. Но выражение глаз, но доверчивая улыбка, но ожидание счастья и открытость судьбе! Как можно было столь достоверно, столь безжалостно всё это воспроизвести? Он даже зажмурился и не запротестовал, когда гусар отобрал свои окуляры, сердито шепча:

– Отдайте, отдайте, я тоже хочу ею любоваться!

Смотреть, как бедная Лиза полюбила беспечного Эраста, как он променял ее любовь на иные увлечения и позволил ей погибнуть, было больно и в то же время... *животворно* –

вот странное, но очень точное слово. Будто Время острыми когтями сдирало ороговевшую кожу с души, и та засочилась кровью, вновь обретая чувствительность, незащищенность.

Еще один раз Фандорин, не выдержав, закрыл глаза в сцене Лизино грехопадения, решенной режиссером чрезвычайно дерзко, даже натуралистично. Луч выхватил из темноты обнаженную девичью руку с вытянутыми пальцами; потом она, будто вянувший стебель, поникла и опустилась.

– Ай да Луантэн! – воскликнул Царьков, когда все заплодировали. – Чудо как играет! Не хуже покойной Комиссаржевской!

Фандорин метнул на него злобный взгляд. Эти слова показались ему кощунством. Эрасту Петровича все больше раздражал хозяин ложи. Несколько раз к нему заходили какие-то люди пошептать – ладно бы еще, когда Лизы, то есть Элизы Луантэн, не было на сцене. Во время музыкальных пауз разговорчивый сосед перегибался через кресло и начинал делиться впечатлениями либо рассказывать что-нибудь про театр или исполнителей. Например, про героя-любownika Смарагдова сказал пренебрежительно: «Партнер не ее уровня». Эрасту Петровичу так не показалось. Он был всецело на стороне этого персонажа, не ревновал, когда сценический Эраст обнимал Лизу, и, вопреки логике, по-детски надеялся, что тот образумится и вернется к своей возлюбленной.

К болтовне опытного театрала Фандорин начинал прислушиваться, лишь когда тот говорил что-нибудь о примадонне. Так, во время длинной и неинтересной Эрасту Петровичу сцены в игорном клубе, где друг-офицер уговаривал героя остановиться, а шулер подбивал отыгрываться, Царьков сообщил о госпоже Альтаирской-Луантэн кое-что, заставившее Фандорина нахмуриться.

– М-да, Луантэн безусловно – жемчужина огромной ценности. Слава Богу, нашелся человек, который не пожалеет средств на достойную оправу. Я имею в виду господина Шустрова из «Театрально-кинематографической компании».

– Это ее п-покровитель? – спросил Эраст Петрович, ощутив неприятный холодок в груди и сердясь на себя за это. – Он кто?

– Очень способный молодой предприниматель. Унаследовал от отца прянично-бараночную фирму. Учился в Америке и дела ведет тоже по-американски, жестко. Задавил всех конкурентов, потом продал свое бараночное княжество за очень хорошие деньги. Теперь создает зрелищную империю – затея новая, перспективная. Не думаю, что к Альтаирской у него сердечный интерес. Шустров человек неромантический. Скорее, тут инвестиция, расчет на ее артистический потенциал.

Он еще рассказывал что-то про наполеоновские планы бывшего бараночника, но успокоившийся Фандорин больше не слушал и даже неучтиво оборвал говоруна жестом, когда на сцене вновь появилась Лиза.

Второй сосед, хоть с разговорами не лез, докучал Эрасту Петровичу не меньше Царькова. На каждый выход Альтаирской-Луантэн он откликался воплями «Браво!». От звонкого голоса у Фандорина закладывало уши. Несколько раз Эраст Петрович сердито говорил:

– Перестаньте! Вы мешаете!

– Пардон, – бормотал корнет Лимбах, не отрываясь от своего увесистого бинокля, а через секунду снова орал. – Божественно! Фор!

Восторженных поклонников у актрисы в зале было множество. Даже странно, что вопли не мешали ей вести роль – она словно их не слышала. Вот ее партнер господин Смарагдов, тот в момент первого выхода, когда в зале завизжали и запищали женские голоса, приложил к груди руку и поклонился.

При иных обстоятельствах эмоциональность публики вызывала бы у Фандорина раздражение, но сегодня он был мало на себя похож. В горле будто стоял ком, и реакция зрителей не казалась Эрасту Петровичу чрезмерной.

Несмотря на волнение, вероятно, вызванное не столько актерской игрой, сколько воспоминаниями, Фандорин отметил, что реакция зала была predetermined психологическим рисунком постановки. Комичные сцены чередовались с сентиментальными, к финалу публика сидела притихшая, всхлипывающая, а закрылся занавес под громоподобные аплодисменты и овации.

За минуту до окончания в ложу вошел полосатый свистун и почтительно встал за спиной у хозяина. Свой зеленый портфель он прижимал локтем, в руках держал книжечку и карандаш.

– Ну так, – сказал ему Царьков, почти бесшумно хлопая в ладоши. – Ее и Штерна поблагодарю лично. Приготовь там что-нибудь по высшему. А со Смарагова хватит и тебя. Передай от меня карточку, ну и вина, что ли. Он какое любит?

– Бордо, «Шато Латур», по двадцати пяти рублей бутылка, – заглянул в книжечку полосатый и слегка присвистнул. – Губа не дура.

– Полдюжины... Эй вы, потише! – Это было сказано гусару, который, едва закрылся занавес, начал кричать: «Лу-ан-тэн! Лу-ан-тэн!»

Обидел корнета и Эраст Петрович.

– Дайте-ка. – Вновь отобрал у мальчишки бинокль. Очень хотелось рассмотреть, какое у поразительной актрисы лицо, когда она уже не играет.

– Но я должен видеть, как она возьмет мою корзину!

Офицер попробовал вырвать бинокль из руки Фандорина, но с тем же успехом он мог бы попытаться вырвать меч у бронзовых Минина и Пожарского.

– Считайте, что это плата за место, – процедил Эраст Петрович, подкручивая колесико.

Нет, несколько не похожа, сказал он себе. Лет на десять старше. Лицо не овальное, а скорее угловатое. И глаза совсем не юные, усталые. Ах, какие глаза...

Опустил бинокль, потому что вдруг ощутил непонятное головокружение. Вот еще новости!

Артисты выходили на поклонны не так, как это обычно принято в театре, по очереди, а все разом: впереди премьер и премьерша, прочие во втором эшелоне. Тот, кто играл Смерть, то есть сам Ной Штерн, не появился вовсе – так сказать, блистательно отсутствовал.

Под неумолкающие аплодисменты служители понесли на сцену с двух сторон сначала букеты, за ними корзины с цветами – меньшего размера, потом большего. Примерно половина подношений досталась Смарагову, половина – Альтаирской. Остальным актерам перепало по одному-два букетика, и то не всем.

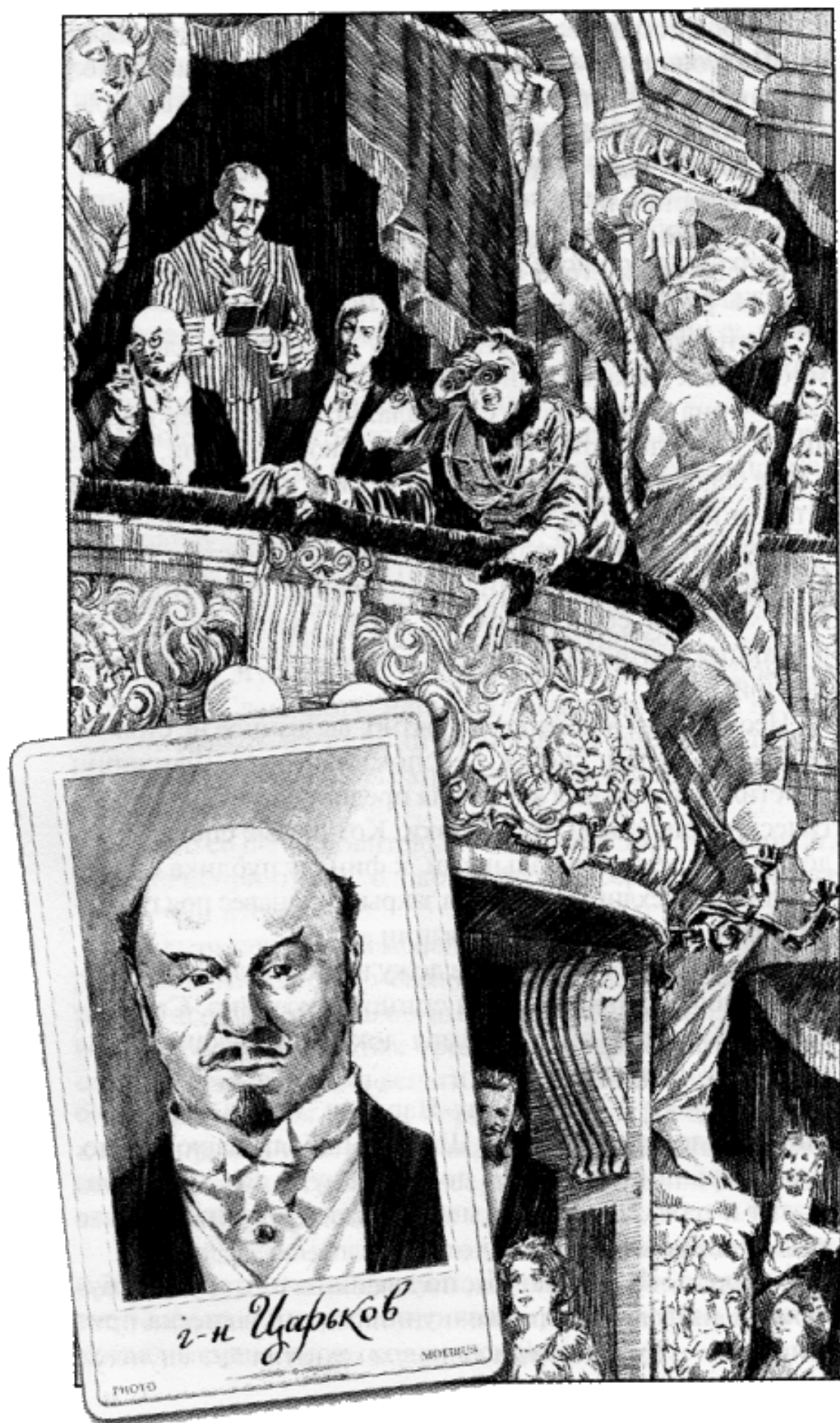
– Сейчас вынесут мою! Отдайте же! Вон она! Я потратил на нее месячное жалованье!

Гусар повис на руке у Фандорина – бинокль пришлось вернуть.

Корзина и вправду была пышна – целое облако из белых роз.

– Она возьмет мою, мою! – повторял корнет, кажется не замечая, что от возбуждения дергает соседа за рукав.

– Извольте. Я вижу, вам интересно.

Господин Царьков любезно протянул свой перламутровый лорнет на ручке. Эраст Петрович схватил безделушку, поднес к глазам и с удивлением обнаружил, что оптика не уступает офицерскому биноклю.

Перед его взором снова, очень близко, возникло улыбающееся лицо Элизы Альтаирской-Луантэн. Она покосилась куда-то вниз и в сторону, крылья точеного носа чуть дрогнули. Что могло ее расстроить? Неужели то, что последняя корзина, поднесенная Смарагдову (лимонные орхидеи), роскошнее, чем ее белые розы? Вряд ли. Эта женщина не может быть столь мелко тщеславна!

К тому же на сцену вынесли еще одну корзину, настоящий цветочный дворец. Кому она предназначалась – примадонне или премьеру?

Ей! Чудо флористического искусства под восторженные крики всего зала поставили перед Альтаирской. Она сделала книксен, опустив лицо к бутонам и обняв цветы своими тонкими белыми руками.

– Черт побери, черт побери... – жалобно простонал Лимбах, видя, что его карта бита.

Эраст Петрович на секунду переместил окуляры на Смарагдова. Картинно красивые черты карамзинского Эраста исказились от злобы. Скажите, какие страсти из-за цветов!

Он снова посмотрел на Элизу, ожидая увидеть ее торжествующей. Но прекрасное лицо актрисы было похоже на застывшую маску ужаса: глаза широко раскрыты, на устах застыл так и не вырвавшийся крик. В чем дело? Что ее испугало?

Внезапно Фандорин увидел, что один из бутонов, нераскрытый и темный, покачивается и словно бы тянется вверх.

О Боже! Это был не бутон! В вдвоенном кружке отчетливо возникла ромбическая головка змеи. Это была гадюка, и тянулась она прямо к груди окоченевшей примы.

– Змея! В корзине змея! – завопил Лимбах и, перемахнув через парапет, прыгнул вниз, в проход.

Все случилось в считанные мгновения. В первых рядах партера кричали, махали руками. Остальной зал, ничего не поняв, устроил новый взрыв оваций.

Отчаянный гусар вскочил на ноги, выхватил из ножен шашку, понесся к сцене. Но еще раньше на выручку Альтаирской пришел белый, загримированный под мрамор, Пан. Он стоял у актрисы за спиной и потому раньше остальных увидел жуткую обительницу цветочной корзины. Рогатый божок подбежал, бесстрашно схватил пресмыкающееся за шею и рывком вытащил наружу.

Теперь уже весь зал видел, что происходит. Запищали дамы. Госпожа Альтаирская, покачнувшись, упала навзничь. Потом вскрикнул отважный Пан – гадина ужалила его в руку. С размаху он ударил ее об пол, стал топтать ногами.

Театр наполнился криками, грохотом кресел, писком.

– Доктора! Позовите доктора! – кричали на сцене. Кто-то обмахивал платком Элизу, кто-то уводил прочь укушенного героя.

А в глубине сцены показался высокий, очень худой человек с наголо обритым черепом.

Он стоял, сложив руки на груди, смотрел на весь этот содом – и улыбался.

– Кто это? Вон там, позади всех? – спросил Фандорин всезнающего соседа.

– Минутку, – сказал тот, заканчивая тихий разговор со своим полосатым клеветом. – ...Выяснить, кто, и наказать!

– Будет исполнено.

Свистун быстро вышел, а господин Царьков, как ни в чем не бывало, оборотился к Эрасту Петровичу с вежливой улыбкой.

– Где? А, это Ной Ноевич Штерн, собственной персоной. Маску Смерти снял. Ишь, сияет. Еще б ему не радоваться. Такая удача! Теперь из-за «Ковчега» москвичи вообще с ума спятят.

Какой странный мир, подумал Фандорин. Невероятно странный!

Предварительное знакомство

Премьер-министр скончался в то самое время, когда Эраст Петрович был в театре. Назавтра повсюду висели флаги с черными лентами, газеты вышли с огромными траурными заголовками. В либеральных писали: хоть покойный и придерживался реакционных взглядов, но вместе с ним погибла последняя надежда обновления страны без потрясений и революций. В патриотических кляли иудейское племя, к которому принадлежал убийца, и усматривали особый смысл в том, что Столыпин почил в годовщину успения благоверного князя Глеба, тем самым пополнив сонм мучеников земли русской. В изданиях бульварно-мелодраматического толка с надрывом цитировали духовную Петра Аркадьевича, в которой он, оказывается, завещал похоронить его «там, где убьют».

Трагическая новость (Эрасту Петровичу протелефонировали, когда он вернулся из театра) не произвела на него особенного впечатления. Звонивший, высокопоставленный чиновник, также сказал, что в совете министерства внутренних дел обсуждалось, следует ли привлекать к расследованию Фандорина, но командир жандармского корпуса решительно против этого возражал, а министр промолчал.

Примечательно, что Эраст Петрович нисколько не огорчился, а, наоборот, испытал облегчение и, если во всю ночь не сомкнул глаз, то не из-за обиды и даже не из-за тревоги за судьбу государства.

Он расхаживал по кабинету, глядя на бликующий паркет; ложился на диван с сигарой, смотрел в белый потолок; садился на подоконник и впивался взглядом в черноту – но видел одно и то же: тонкую руку, усталые глаза, змеиную головку среди бутонов.

Фандорин привык подвергать анализу факты, но не собственные эмоции. Не стал он сходить с тропинки рациональных умозаключений и теперь, чувствуя, что малейший шаг в сторону – и провалишься в топь, из которой непонятно, как выбираться.

Выстраивание логической линии создавало иллюзию, что ничего особенного не стряслось. Расследование как расследование, мир не перевернулся.

Страх госпожи Альтаирской оправдан. Опасность действительно существует. Это раз, загибал палец Эраст Петрович – и ловил себя на том, что улыбается. *Она не взбалмошная фантазерка, не психопатка!*

Очевидно, у нее есть какой-то лютый, обладающий извращенным воображением враг. Или враги. Это два. *Разве можно ее ненавидеть?!*

Судя по театральности покушения, искать виновного либо виновных следует прежде всего внутри трупы или на ее ближайшей периферии. Вряд ли кто-то, не вхожий за кулисы, мог посадить в корзину рептилию. Впрочем, надо будет проверить. Это три. *А если бы змея ее укусила? О Боже!*

Нужно отправляться в театр, ко всем присмотреться и, главное, попробовать вызвать на откровенность саму госпожу Альтаирскую-Луантэн. Это четыре. *Я вновь увижу ее! Я буду с ней разговаривать!*

Так до самого утра и шел этот внутренний диалог, в котором взбудораженные эмоции постоянно мешали работе мысли.

Наконец, уже после рассвета, Фандорин сказал себе: «Что за черт. Кажется, я болен». Лег, напряжением воли заставил себя расслабиться и уснуть.

Три часа спустя он встал отдохнувшим, проделал обычные физические упражнения, принял ледяную ванну, минут десять походил по канату, протянутому через двор. Контроль над внутренним миром был восстановлен. Эраст Петрович с аппетитом позавтракал, про-

смотрел доставленные Масой московские газеты: короткий взгляд на печальные заголовки – и скорей на страницу происшествий.

Даже те издания, где отсутствовал раздел театральных рецензий, поместили сообщения о спектакле в «Ноевом ковчеге» и змее. Кто-то ужасался, кто-то остроумничал, но написали все без исключения. Версии репортеров (актерская ревность, отвергнутый поклонник, злая шутка) интереса не представляли в силу своей очевидности. Единственная полезная информация, которую почерпнул из этого чтения Фандорин, заключалась в том, что укушенному актеру (г. Девяткину) сделана инъекция противоядной сыворотки и состояние его здоровья опасений не вызывает.

Несколько раз звонила взволнованная Ольга Леонардовна, но Маса было велено отвечать, что господина нет дома. Тратить время и мыслительную энергию на чувствительные разговоры не хотелось. Эти ресурсы можно было употребить с большей пользой.

Руководитель «Ноева ковчега» встретил гостя у служебного подъезда, пожал руку двумя своими, повел к себе в кабинет – в общем, был само радушие. Во время телефонной беседы он показался Фандорину немного настороженным, но на встречу согласился сразу.

– Воля госпожи Чеховой для меня свята, – говорил Штерн, усаживая Эраста Петровича в кресло. Узкие внимательные глаза скользнули по непроницаемому лицу посетителя, по элегантному кремовому костюму, задержались на остроносых туфлях крокодиловой кожи. – Она звонила вчера, просила контрамарку для вас, но было слишком поздно, не осталось ни одного хорошего места. Ольга Леонардовна сказала, что она как-нибудь устроится без моей помощи, но желала, чтобы я уделил вам время после спектакля. Сегодня утром опять звонила, спрашивала, состоялась ли встреча...

– Не стал вас вчера беспокоить, учитывая обстоятельства.

– Да-да, совершенно чудовищное происшествие. Сколько было крику за кулисами! А как взволновалась публика! – Тонкие губы режиссера расплзлись в сладостной улыбке. – Однако в чем причина вашего визита? Ольга Леонардовна не объяснила. Мол, господин Фандорин сам расскажет... Вы, простите, кто по роду занятий?

Эраст Петрович ограничился ответом на первый вопрос:

– Госпожа Чехова считает, что вашей ведущей актрисе... – Он чуть запнулся. Хотел произнести имя, но почему-то не стал. – ...Угрожает опасность. Вчерашний инцидент доказывает, что Ольга Леонардовна п-права. Я обещал разобраться.

Острый взгляд театрального новатора блеснул любопытством.

– А вы кто? Неужели ясновидящий? Я слышал, в Москве большая мода на прорицателей и клервуйянтов. Это меня очень, очень интересует!

– Да, я изучал ясновидение. В Японии, – сказал Эраст Петрович с серьезным видом. Ему пришло в голову, что эта версия очень удобна для предстоящего расследования. Опять же, между ясновидением и дедукцией (то есть, ясномыслием) немало общего.

– Феноменально! – Штерн так оживился, что выпрыгнул из кресла. – А можете вы продемонстрировать свое искусство? Ну вот хотя бы на мне? Прошу вас, загляните в мое будущее! Нет, лучше в прошлое, чтобы я мог оценить ваше мастерство.

Какой подвижный господин, подумал Фандорин. Прямо ртутный шарик. (Это сравнение возникло вследствие того, что голый череп режиссера сверкнул в солнечном луче – сентябрьский день выдался погожим.)

Чтение газет и телефонные звонки, на которые Эраст Петрович потратил половину нынешнего дня, мало что прояснили в биографии Ноя Штерна. Он слыл человеком скрытным, не любящим рассказывать о своем прошлом. Известно было лишь, что вырос он в черте оседлости, в крайней нужде, юность провел бродяжничая. Начинал клоуном в цирке, очень долго играл по провинциальным театрам, пока, наконец, не достиг известности. Соб-

ственной труппой обзавелся только год назад, обретя покровительство «Театрально-кине-
матографической компании», сделавшей ставку на его талант. Газетчикам про себя Штерн
рассказывал небылицы, все время разные – и, очевидно, делал это намеренно. Все сходились
в одном: человек этот одержим одной-единственной страстью – театром. Семьи у него не
было, не было, кажется, и дома. Даже интрижек с актрисами за Ноем Ноевичем не водилось.

– Заглянуть в ваше п-прошлое?

Нервное лицо режиссера всё запрыгало от жажды немедленного чуда:

– Да, что-нибудь из моего детства.

Он уверен, что об этом периоде его жизни никто ничего не знает, понял Эраст Петро-
вич. Ну, ясновидение так ясновидение...

– Скажите, «Ной Ноевич» – ваше настоящее имя?

– Совершенно настоящее. Согласно метрике.

– Понятно... – Фандорин свел к переносице черные брови, закатил глаза ко лбу, с кото-
рого свисала седоватая прядь (именно так, по его представлению, повел бы себя ясновидя-
щий). – Начало вашей жизни печально, милостивый г-государь. Ваш батюшка никогда вас
не видывал. Он отошел в мир иной, пока вы еще обретались в чреве вашей матери. Смерть
была внезапной – неожиданный удар Рока.

Шанс ошибиться был невелик. У евреев есть давний обычай называть детей в честь
кого-нибудь из умерших родственников и почти никогда в честь живущих. Именно поэтому
так редки случаи, когда сына нарекают именем отца. Разве что если тот скончался. Пред-
положение насчет внезапной смерти было тоже не слишком рискованным. Люди, которые
долго и тяжело болеют, не производят на свет столь жизнеспособного потомства.

Простенькая дедукция прямо-таки сразила впечатлительного постановщика.

– Феноменально! – вскричал он, хватаясь за сердце. – Я никому этого не рассказывал!
Ни одной душе! Около меня нет никого, кто знал бы мою судьбу! Господи, как же я обожаю
всё необъяснимое! Эраст Петрович, вы уникал! Чудотворец! Я с первой же минуты, как
только увидел вас, сразу понял, что вижу перед собой человека необыкновенного. Если б я
был женщиной или последователем Оскара Уайльда, непременно бы в вас влюбился!

Шутка сопровождалась обаятельнейшей улыбкой. Широко раскрывшиеся карие глаза
смотрели на Фандорина с искренней симпатией, не откликнуться на которую было невоз-
можно.

Обволакивает, подумал Эраст Петрович, пускает в ход обаяние – и отменно ловко.
Этот человек – отличный актер, прирожденный манипулятор. Испугался моего маленького
фокуса, теперь хочет понять, что я за птица, приручить, раскусить. Что ж, кусай-кусай. Зубы
только не сломай.

– Есть в вас внутренняя сила великодушия, – продолжал ластиться Ной Ноевич. – О,
я в подобных вещах разбираюсь. Мне мало с кем хочется откровенничать, но с вами испы-
тываешь желание быть беззащитным... Ужасно рад, что Ольга Леонардовна вас к нам при-
слала. В труппе действительно идет какая-то зловещая ферментация. Будет отлично, если
вы присмотритесь к моим актерам и сумеете прозреть негодяя, спрятавшего в цветах змею.
А заодно неплохо бы узнать, кто третьего дня налил мне в калоши клея. Дурацкая шутка!
Пришлось менять подметки на совершенно новых штиблетах, а калоши выкинуть!

Эраст Петрович обещал «прозреть» и погубителя калош, когда ему дадут возможность
познакомиться с труппой.

– Так мы прямо сейчас это и провернем! – объявил Штерн. – К чему откладывать? У
нас как раз назначено собрание. Через полчаса. Буду объявлять новую пьесу для постановки
и распределять, кто кого играет. Актеры лучше всего обнаруживают свое подлинное «я»,
когда начинается свара из-за ролей. Увидите их, как голеньких.

– Что за пьеса? – спросил Эраст Петрович, вспомнив рассказ соседа по ложе. – Или это еще тайна?

– Помилуйте. – Ной Ноевич рассмеялся. – Какие тайны от ясновидящего? К тому же завтра об этом напишут все газеты. Я выбрал для новой постановки «Вишневый сад». Отличный материал, чтобы разгромить Станиславского его же оружием, на собственной его территории! Пусть публика сравнит мой «Вишневый сад» с их худосочными экзерсисами! Не спорю, Художественный театр когда-то был недурен, но выдохся. О Малом и говорить смешно! Театр Корша – балаган для купчишек! Я покажу им всем, что такое истинная режиссура и настоящая работа с актерами! Хотите, я расскажу вам, дорогой Эраст Петрович, каким должен быть идеальный театр? Я вижу, что найду в вас умного и благодарного слушателя.

Отказаться от предложения было бы невежливо, к тому же Фандорину в самом деле хотелось разобраться в причудливом устройстве этого нового для него мира.

– Г-говорите, мне интересно.

Ной Ноевич встал над гостем в позе ветхозаветного пророка, взгляд его заблистал.

– Знаете, почему мой театр называется «Ноев ковчег»? Во-первых, потому что только искусство спасет мир от потопа, а высший род искусства – театр. Во-вторых, потому что у меня в труппе полный набор человеческих особей. Ну а в-третьих, всякой твари у меня по паре.

Заметив недоумение на лице собеседника, Штерн довольно улыбнулся.

– Ну да. У меня есть герой и героиня; резонер-благородный отец и гранд-дама, она же матрона; слуга-проказник-буффон и субретка-проказница-инженю-коклет; злодей и злодейка; простак и трагист (не пара, но этим двум амплуа предписано одиночество); ну и наконец есть я и мой помощник для исполнения всех прочих возможных ролей – я второго плана, он третьего. Моя теория актерской игры заключается в том, что не нужно делать ставку на так называемых универсальных артистов, которые способны сыграть что угодно. Вот я, например, универсал. Я могу с одинаковым эффектом сыграть кого угодно – хоть Лира, хоть Шейлока, хоть Фальстафа. Но подобные гении встречаются крайне редко, – сокрушенно молвил Ной Ноевич. – Набрать их целую труппу невозможно. А вот актеров, которые очень хороши в одном-единственном амплуа, сколько угодно. Я беру такого человека и помогаю ему довести сильное, но узкое дарование до совершенства. Амплуа должно стать неотделимо от личности, это лучше всего. Впрочем, артисты на подобную мимирию податливы, а я отлично умею их направлять. Принимая кого-нибудь в труппу, я даже обязываю актера взять сценическое имя, совпадающее с ролевым жанром. Знаете, как вещь назовешь, такой она и будет. Прежние псевдонимы оставили себе только примадонна и премьер – у обоих уже были имена, привлекающие публику. Резонер у меня стал Разумовским, злодей – Мефистовым, субретка – Клубникиной и так далее. Вы на них сейчас посмотрите и сразу увидите, что у каждого амплуа буквально срослось с кожей. Они и вне сцены продолжают работать над образом!

Эраст Петрович, успевший выучить наизусть состав труппы, спросил:

– А что же за амплуа у бога Пана, который так храбро вчера себя п-показал? «Девяткин» – такое имя ни с чем не ассоциируется.

– Это второй режиссер, мой незаменимый помощник, прислуга за всё, един в девяти лицах. И, кстати сказать, единственный, не считая меня, кто выступает под своей природной фамилией, – объяснил Штерн. – Я подобрал его в жуткой провинциальной труппе, где он кошмарно играл героев под псевдонимом «Лермонт», хотя сам скорее похож на поручика Соленого. Теперь он на своем месте и абсолютно бесценен, я без него как без рук. Главный фокус в том, что у меня в театре вообще все на своем месте. Кроме, пожалуй, Смарагдова. – Кожа на лбу режиссера собралась трагическими складками. – Жалею, что польстился на

эффектную внешность и шлейф из многочисленных поклонниц. Героя должен играть герой, а наш Ипполитушка – просто павлин с яркими перьями...

Печалился гений, однако, недолго. Его лицо вновь залучилось торжеством.

– Мой театр идеален! Знаете, что такое идеальный театр?

Фандорин сказал, что нет, не знает.

– А я вам объясню. Это театр, в котором есть все необходимое и нет ничего излишнего, ибо для труппы вреден как недостаток, так и избыток. Трудность в том, что идеальных пьес на свете очень немного. Знаете, что такое «идеальная пьеса»?

– Нет.

– Это пьеса, в которой выпукло представлены все амплуа. Классическим образцом считается «Горе от ума». Однако теперь так больше не пишут, а нельзя же все время кормиться классикой. Зрителю надоедает. Хорошо бы что-то новое, экзотичное, с ароматом иной культуры. Вот вы говорили, что жили в Японии? Перевели бы что-нибудь про гейш и самураев. После войны публика стала падка на всё японское. – Он рассмеялся. – Шучу. «Вишневый сад» – почти идеальная пьеса. Как раз столько ролей, сколько мне нужно. Кое-что надо подкорректировать, обозначить появственней, и выйдет отличная комедия масок, сплошь на характерах, без привычных чеховских полутонов. Поглядим тогда, Константин Сергеевич, чей сад цветистей!

– Я Эраст Петрович, – напомнил Фандорин и не понял, отчего Штерн поглядел на него с сочувствием.

Вошедшие в ковчег

На собрании труппы, проходившем в артистическом фойе, режиссер, согласно договоренности, небрежно представил Фандорина как претендента на место «драмотборщика», то есть заведующего литературной частью. Штерн сказал, что должность эта в театре почитается маловажной и артисты не будут *рисоваться* перед столь незначительной фигурой. Так и вышло. В первый момент все с любопытством уставились на элегантного господина картинной внешности (седые с легкой прочернью волосы на косой пробор, ухоженные черные усики), но, услышав, кто это, скоро перестали обращать на него внимание. Эраста Петровича такое положение устраивало. Он скромненько сел в дальний угол и начал приглядываться – ко всем кроме Альтаирской. Фандорин остро ощущал ее присутствие (она сидела напротив и чуть наискось), словно из той части комнаты струилось мерцающее сияние, но всматриваться в него не решался, опасаясь, что все остальное помещение погрузится в сумерки и тогда нельзя будет работать. Эраст Петрович пообещал себе, что вдоволь наглядится на нее потом, когда изучит остальных.

Вначале Ной Ноевич произнес энергичный спич, поздравив труппу с колоссальным успехом «Бедной Лизы» и посетовав, что из-за «известного происшествия» не получилось, как заведено, произвести разбор спектакля сразу по его завершении.

– Напомню вчерашний уговор: эту пакостную историю мы обсуждать не станем. Расследование будет произведено, а виновный изобличен и наказан, слово Ноя Штерна. – Короткий многозначительный взгляд в сторону Фандорина. – Но такого крика и восточного базара, как вчера вечером, больше не будет. Ясно?

С той стороны, где колыхался переливчатый свет, донесся нежный голос, который Эрасту Петровичу так хотелось услышать вновь.

– Только одно, если позволите, Ной Ноевич. Вчера я была не в состоянии как следует поблагодарить дорогого Георгия Ивановича за его отвагу. Он, рискуя жизнью, кинулся мне на помощь! Я... я не знаю, что бы со мною... Если бы эта мерзость меня не то что укусила, а просто прикоснулась... – Раздалось сдавленное рыдание, от которого у Фандорина защемило сердце. – Георгий Иванович, вы – последний рыцарь нашего времени! Можно я вас поцелую?

Все зааплодировали, и Эраст Петрович позволил себе первый раз, мельком, взглянуть на примадонну. Она была в светлом платье, перехваченном на поясе широким бордовым шарфом, в легкой широкополой шляпе с перьями. Лица было не видно, потому что Альтаирская стояла вполоборота к невысокому, бледному человеку с рукой на перевязи. Его высокий лоб с прилизанными лермонтовскими височками блестел испариной, круглые карие глаза смотрели на Элизу с обожанием.

– Благодарю... То есть, я хотел сказать, не за что, – пролепетал Девяткин, когда она, сняв шляпу, коснулась его щеки губами. И вдруг залился румянцем.

– Браво! – вскочила и звонко крикнула, не переставая хлопать в ладоши, маленькая барышня с забавным курносым личиком, покрытым конопушками (Фандорин про себя окрестил ее Пигалицей). – Милый Жорж, вы как святой Георгий, победивший змия! Я тоже хочу вас поцеловать! И пожать вашу бедную руку!

Она бросилась к сконфуженному герою, приподнялась на цыпочки и обняла его, но поцелуи Пигалицы помощник режиссера воспринял с меньшим удовольствием.

– Не стискивайте так, Зоенька, больно! У вас пальцы костлявые.

– «Так вот где таилась погибель моя, мне смертию кость угрожала. Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала», – насмешливо продекламировал умопомрачи-

тельный мужчина в белом костюме с алой гвоздикой в петлице. Это, конечно, был премьер Смарагдов, вблизи еще более красивый, чем на сцене.

Эраст Петрович осторожно глянул на Элизу, чтобы посмотреть, какова она без шляпы. Но примадонна поправляла прическу, и видно было лишь, что ее дымчатые волосы подняты вверх и стянуты каким-то не то очень простым, не то, наоборот, невероятно мудреным узлом, придающим силуэту нечто египетское.

– Вынужден прервать эту трогательную сцену. Хватит восторгаться и лобызаться, уже без одной минуты четыре, – сказал режиссер, помахивая вынутыми из кармашка часами. – Дамы и господа, у нас сегодня очень важное событие. Перед тем как мы приступим к разбору новой пьесы, с вами пожелал встретиться наш благодетель и добрый ангел, Андрей Гордеевич Шустров.

Все встрепонулись, некоторые из женщины даже вскрикнули.

Штерн улыбался.

– Да-да. Он хочет познакомиться со всеми. До сих пор только я и Элиза имели удовольствие общаться с этим замечательным меценатом, без которого наш «Ковчег» так и не пустился бы в плавание. Но мы в Москве, и господин Шустров выделил время, чтобы поприветствовать всех вас лично. Он обещался быть в четыре, а этот человек никогда не опаздывает.

– Негодяй, не могли предупредить? Я бы надела свое муаровое платье и жемчуг, – густым контральто посетовала полная, когда-то, верно, очень красивая дама царственной наружности.

– Шустров для вас молод, душа моя Василиса Прокофьевна, – сказал ей представительный мужчина с чудесными голубоватыми седиными. – Ему, я чай, тридцати нет. Жемчугами да муарами вы его не заинтересите.

Дама парировала, не повернув головы:

– Старый шут!

В дверь деликатно постучали.

– Я ведь говорил: невиданная пунктуальность! – снова помахал часами Ной Ноевич и кинулся открывать.

О предстоящем визите предпринимателя Фандорин был предупрежден. Режиссер сказал, что это отличный способ познакомиться с труппой – он как раз будет представлять меценату всех актеров.

Хозяин «Театрально-кинематографической компании» был мало похож на промышленного деятеля, во всяком случае русского. Молод, худощав, неброско одет, скуп на слова. Самой интересной чертой в этом, по первому впечатлению, малопримечательном субъекте Фандорину показалась какая-то особенная сосредоточенность взгляда и общее ощущение чрезвычайной серьезности. Казалось, человек этот никогда не шутит, не улыбается, не ведет пустых разговоров. Обычно Эрасту Петровичу подобные люди импонировали, но Шустров ему не понравился.

Пока Штерн произносил приветственную речь – напыщенную, с всегдашними актерскими преувеличениями («достопочтеннейший благодетель», «просвещенный покровитель муз», «опекун искусств и духовности», «образец безупречного вкуса» и прочее), капиталист молчал, спокойно оглядывая труппу. Остановил взор на Альтаирской-Луантэн и больше уже ни на кого не отвлекался.

С этого-то момента Фандорин и начал испытывать к «образцу вкуса» активную неприязнь. Покосился на примадонну – что она? Улыбается, ласково. Тоже не сводит с Шустрова глаз. И хотя это было вроде бы естественно – на молодого человека с лучезарными улыбками смотрели все члены труппы, Эраст Петрович помрачнел.

Мог хотя бы протестовать против комплиментов, изобразить скромность, зло подумал Фандорин.

Но, по правде говоря, актерам «Ноева ковчега» было за что благодарить Андрея Гордеевича. Он не только оплатил переезд из Петербурга в Москву и предоставил для гастролей прекрасно оснащенный театр. Как можно было заключить из речи Штерна, к услугам труппы оказался полный штат музыкантов и служителей, гримеров и костюмерш, осветителей и рабочих, со всем необходимым реквизитом, с портняжным и бутафорским цехами, где опытные мастера могли быстро изготовить любой костюм или декорацию. Вряд ли какая-то другая труппа, включая императорские, когда-либо существовала в столь оранжерейных условиях.

– Мы живем здесь у вас, как в волшебном замке! – восклицал Ной Ноевич. – Достаточно высказать пожелание, просто хлопнуть в ладоши – и мечта осуществляется. Лишь в таких идеальных условиях можно творить искусство, не отвлекаясь на унизительные и скучные хлопоты о том, как свести концы с концами. Поприветствуем же нашего ангела-хранителя, друзья!

Под аплодисменты и горячие возгласы, к которым не присоединился один лишь Фандорин, господин Шустров слегка поклонился – и только.

После этого началось представление актеров.

Прежде всего Штерн подвел высокого гостя к примадонне.

«Теперь можно», – сказал себе Фандорин и наконец позволил себе целиком сконцентрироваться на женщине, из-за которой второй день пребывал в необъяснимом волнении.

Сегодня он знал про нее гораздо больше, чем вчера.

Возраст – под тридцать. Из актерской семьи. Окончила театральное училище по классу балета, но пошла по драматической линии, благодаря сценическому голосу удивительной глубины и нежнейшего тембра. Играла в театрах обеих столиц, несколько сезонов назад блистала в Художественном. Злые языки утверждают, что ушла, не желая быть на равных с другими сильными актрисами, которых там слишком много. Перед тем как стать примой «Ноева ковчега», Альтаирская-Луантэн имела огромный успех в Петербурге с концертами в модном жанре мелодекламации.

Это имя уже не казалось Эрасту Петровичу чрезмерно претенциозным. Оно ей шло: далекая, как звезда Аль-Таир... В самом начале своей карьеры она ярко сыграла принцессу Грезу в одноименной роستانовской пьесе – отсюда «Луантэн» (во французском оригинале принцессу Грëзу ведь зовут *Princesse Lointaine*, Далекая Принцесса). Вторая часть псевдонима, подчеркивающая недостижимую отдаленность, появилась недавно, после короткого замужества. Газеты писали о нем как-то смутно. Муж актрисы был восточным князем, чуть ли не полувластельным ханом, и в некоторых статьях Элизу даже именовали «ханшей».

Что ж, глядя на нее, Фандорин готов был поверить чему угодно. Такая могла быть и принцессой, и ханшей.

Хоть он долго готовился, прежде чем как следует рассмотреть ее вблизи, это не очень-то смягчило удар. В бинокль Эраст Петрович видел ее загримированной, да еще в роли простой, наивной деревенской девушки. В жизни же, в естественном своем состоянии, Элиза была совсем иная – не по сравнению со сценическим образом, а просто *иная*, не похожая на других женщин, единственная... Фандорин затруднился бы объяснить, как именно расшифровать эту мысль, заставившую его крепко взяться за поручни кресла – потому что неудержимо захотелось встать и подойти ближе, чтобы смотреть на нее в упор, жадно, неотрывно.

Что в ней такого особенного, спросил он себя, как обычно пытаюсь рационализировать иррациональное. Откуда ощущение невиданной, магнетизирующей красоты?

Он попробовал судить беспристрастно.

Ведь, строго говоря, не красавица. Черты, пожалуй, мелковаты. Стати неклассические: угловатая фигура, острые плечи. Рот тонкогубый, слишком широкий. Нос с небольшой горбинкой. Но все эти неправильности не ослабляли, а только усиливали впечатление чуда.

Кажется, что-то с глазами, главное в них, определил Эраст Петрович. Некая странная неуловимость, вынуждающая ловить ее взгляд, чтобы разгадать его тайну. Он вроде бы и обращен на тебя, но как-то по касательной, словно не видит. Либо видит вовсе не то, что показывают.

Наблюдательности Фандорину было не занимать. Даже в нынешнем своем состоянии, безусловно ненормальном, тайну он быстро вычислил. Госпожа Альтаирская слегка косила, вот и вся неуловимость. Но тут же возникла новая загадка – ее улыбка. Вернее, полуулыбка или недоулыбка, почти не сходявшая с ее уст. Видимо, волшебство именно в этом, выдвинул новую версию Эраст Петрович. Эта женщина словно находится в постоянном предвкушении счастья – смотрит, будто спрашивает: «Вы тот, кого я жду? Вы и есть мое счастье?» А еще в удивительной улыбке читалось некое смущение. Как если бы Элиза дарила себя миру и сама немного стеснялась щедрости подарка.

В целом же следовало признать, что до конца секрет притягательности примадонны Фандорин так и не разгадал. Он еще долго разглядывал бы ее, но Шустрова уже подвели к соседу, и Эраст Петрович с неохотой перевел взгляд на Ипполита Смарагдова.

Вот это была красота, над которой ломать голову не приходилось. Строен, широкоплеч, высок, с идеальным пробором, ясным взором, ослепительной улыбкой, превосходнейшим баритоном. Заглядение, сущий Антиной. Газеты пишут, что за ним из Петербурга приехало чуть не полсотни влюбленных театралок, не пропускающих ни одного его выхода и осыпающих своего кумира цветами. Штерн переманил его из Александринки на какое-то неслыханное жалованье, чуть ли не тысяча в месяц.

– Вы превосходно сыграли Гамлета и Вершинина. Карамзинский Эраст вам тоже удался, – сказал, пожимая руку, меценат. – Но главное – у вас чрезвычайно удачная внешность. Ее можно рассматривать вблизи. Это важно.

Манера говорить у миллионера была особенная – чувствовалось, что комплиментов этот человек расточать не станет. Что на самом деле думает, то и сказал. И не слишком озабочен, понятен ли его ход мыслей собеседнику.

С очаровательной улыбкой премьер ответил:

– Сказал бы: «Смотрите-смотрите, за погляд денег не берут», но с вас грех не запросить. В этой связи желал бы знать, нельзя ли все-таки получить в конце сезона бенефисец?

– Нельзя! – отрезал Ной Ноевич. – В уставе «Ковчега» ясно сказано: бенефисов ни у кого не будет.

– И у вашей фаворитки? – качнул головой в сторону Элизы красавец, при этом обращаясь к Шустрову.

Каков наглец, нахмурился Фандорин. Неужто никто не поставит его на место? И в каком смысле про фаворитку?

– Ипполит, заткнись. Ты всем надоел, – громко сказала дама, давеча переживавшая из-за муарового платья.

– А это Василиса Прокофьевна Регинина, наша «гранд-дама», – подвел к ней мецената Штерн. – Гениально сыграла королеву Гертруду, все рецензенты отметили.

– Назвали «неувядающей», – подхватил сосед «гранд-дамы» – тот, что с голубоватыми сединами.

Под приглушенное хихиканье монументальная Василиса Прокофьевна метнула изничтожающий взгляд на шутника.

– Голос с того света, – процедила она. – Покойникам надлежит молчать.

Смешки стали громче.

Отношения внутри труппы непросты, атмосфера перенасыщена электричеством, констатировал Эраст Петрович.

Регина вскинула полный подбородок:

– Нет худшей беды для актрисы, чем слишком долго цепляться за амплу героини. Нужно уметь вовремя перейти из одного женского возраста в другой. Я буду вечно благодарна Ною Ноевичу за то, что он уговорил меня покончить с Дездемонами, Корделиями и Джульеттами. Господи, какое освобождение не молодиться, не впадать в истерику из-за каждой новой морщинки! Теперь я могу хоть до самой смерти спокойно играть Екатерину Великих и Кабаних. Ем пирожные, набрала сорок фунтов и нисколько не мучаюсь!

Сказано это было с истинным величием. Штерн воскликнул:

– Королева! Истинно regina! Угрызайтесь, голубчик, что упустили свое счастье, – с укором молвил он седовласому. – Это наш «резонер» Лев Спиридонович Разумовский, мудрейший человек, хоть и бывает колок. В прошлом первый любовник. И, кажется, не только по сцене, а, Лев Спиридонович? Откройте наконец тайну, из-за чего вы развелись с Василисой Прокофьевной? Почему она называет вас «мертвецом» и «покойником»?

Заметив среди актеров оживление, Фандорин догадался, что эта тема в театре пользуется популярностью, и удивился: не странно ли – держать в небольшой труппе бывших супругов, которые к тому же не сумели сохранить добрых отношений?

– Василиса зовет меня так, потому что я для нее умер, – с кроткой печалью ответил «резонер». – Я действительно совершил чудовищную вещь, которой нет прощенья. Не то чтобы я о нем, впрочем, умолял... А подробности пусть останутся между нами.

– Труп. Живой труп, – скривила губы Регина, употребив название пьесы, о которой в этом сезоне говорила вся Россия.

Шустров вдруг оживился.

– Вот именно, – сказал он. – «Живой труп» – отличный пример того, как театр с кинематографом поддерживают и рекламируют друг друга. После графа Толстого осталась неопубликованная пьеса, ее текст таинственным образом попадает к моему конкуренту Перскому, и тот уже начал снимать фильму, не дожидаясь выхода спектакля! Содержание никому неизвестно, машинописные копии выкрадываются, перепродаются по триста рублей! Семья покойного подает в суд! Представляю, как публика будет рваться и в кинематографы, и в театры! Отличная композиция! Мы с вами об этом поговорим позднее.

Он успокоился так же внезапно, как возбудился. Все смотрели на предпринимателя с почтительным недоумением.

– Мой помощник Девяткин, – показал Ной Ноевич на укушенного. – А также актер без амплу, так называемый «содействующий». Его история в некотором роде уникальна. Вырос в кадетском корпусе, служил в саперном батальоне где-то в Бешбармаке...

– На Мангышлаке, – поправил Девяткин.

– В общем, в жуткой дыре, где главный культурный аттракцион – свиной рынок.

Второй режиссер опять поправил:

– Не свиной – конный. Свиной там не разводят, это мусульманские земли.

– И вдруг заезжает к ним на гастроли какой-то театришко. Дрянной, но с классическим репертуаром. Наш поручик сражен, влюблен, околдован! Бросает службу, поступает на сцену под романтическим псевдонимом, кошмарно играет в кошмарных постановках. А потом новое чудо. Проездом в Петербурге попадает на мой спектакль и наконец понимает, что такое настоящий театр. Приходит ко мне, умоляет взять кем угодно. Я разбираюсь в людях – это моя профессия. Взял помощником и ни разу о том не пожалел. А вчера Девяткин проявил себя героем. Ну-да вы, Андрей Гордеевич, конечно, знаете.

– Знаю. – Шустров крепко пожал ассистенту левую, не забинтованную руку. – Вы молодец. Спасли всех нас от больших убытков.

У Эраста Петровича приподнялась левая бровь, а настроение вдруг улучшилось. Если для мецената здоровье Элизы – всего лишь вопрос «убытков», то... Это совсем другое дело.

– Я сделал это не из-за ваших убытков, – пробормотал Девяткин, но гостя уже знакомили со следующим артистом.

– Костя Ловчилин. Как следует из псевдонима – актер на роли ловчил и плутов, – представил Штерн молодого человека с невероятно живой физиономией. – Играл Труффальдино, Лепорелло, Скапена.

Тот провел рукой по буйным кудрявым волосам, оскалил толстогубый рот и шутовски поклонился:

– К услугам вашего сиятельства.

– Смешное лицо, – одобрительно заметил Шустров. – Я заказывал провести исследование. Публика любит комиков почти так же, как роковых женщин.

– Наше дело лакейское. Кого прикажете, того и сыграем. Угодно роковую женщину? Рад стараться! – по-солдатски отсалютовал Ловчилин и тут же очень похоже изобразил Альтаирскую: затуманил взор, изящно переплел руки и даже полуулыбку воспроизвел.

Все актеры, даже сама Луантэн, засмеялись. Не развеселились только двое: Шустров, который с серьезным видом покивал головой, да Фандорин – ему кривлянье показалось неприятным.

– А вот наша «субретка», Серафимочка Клубникина. Я ее увидел Сюзанной в «Женитьбе Фигаро» и сразу пригласил в труппу.

Хорошенькая пухлая блондинка присела в быстром книксене.

– А правду говорят, что вы холостой? – спросила она – чертики в глазах так и запрыгали.

– Да, но скоро собираюсь жениться, – ровно ответил Шустров, не откликаясь на заигрывание. – Пора уже. Возраст.

Долговязая дама с костлявым лицом, скривив огромный рот, сказала громким сценическим шепотом (как пишут драматурги, «в сторону»):

– Отбой, Сима. Не по наживке рыба.

– Ксантиппа Петровна Лисицкая – «злодейка», – протянул в ее сторону длань режиссер. – Так сказать, лиса-интриганка. Раньше выступала в комическом амплуа, не слишком успешно. Но я открыл ее истинное призвание. Была у меня отменной леди Макбет, и в «Трех сестрах» очень хороша. Ее Наталья заставляет публику прямо-таки кипеть от ненависти.

– Жанр детской сказки тоже очень перспективен, – заметил на это Шустров, следуя какой-то своей внутренней логике. Впрочем, он объяснил: – Снежная королева из вас может получиться. Страшная, малыши плакать будут.

– Мерси, – поблагодарила «злодейка» и церемонно провела рукой по волосам – будто нарочно зачесанным так туго, чтобы выставить несоразмерно большие уши. – Ой, слышите?

Она показала на окно. Там дружно что-то кричали женские голоса. «Сма-ра-гдов! Сма-ра-гдов!», разобрал Эраст Петрович.

Должно быть, поклонницы – надеются, что их идол выглянет в окно.

– Что они кричат? – Лисицкая сделала вид, будто прислушивается. – «Ме-фи-стов»? Ей-богу, «Мефистов»! – И в радостном волнении повернулась к соседу. – Антон Иванович, московская публика оценила ваш талант! Ах, вы фантастически исполнили роль шулера!

Фандорин удивился – ослышаться было невозможно.

Тот, к кому обратилась злодейка-интриганка, носатый брюнет с изломанными кустистыми бровями, сардонически ухмыльнулся.

– Если бы популярность определялась талантом, а не внешностью, – он метнул недобрый взгляд на Смарагдова, – то и меня караулили бы у подъезда. Однако как гениально ни сыграй Яго или Клавдия, цветами не осыпят. Эти удовольствия для бездарей со смазливой мордашкой.

С улыбкой прислушиваясь к крикам, премьер лениво протянул:

– Антон Иванович, я знаю, вы начинаете входить в роль злодея прямо с утра, но сегодня спектакля нет, так что возвращайтесь в мир пристойных людей. Или это уже невозможно?

– Умоляю, не ссорьтесь! – преувеличенно расстроилась Лисицкая. – Это я виновата! Неправильно расслышала, вот Антоша и обиделся...

– Не расслышали? С вашими-то ушами? – съязвил Смарагдов.

«Злодейка» вспыхнула – стало быть, все-таки страдает из-за некрасивости, определил Эраст Петрович.

– Товарищи! Друзья! – Со стула поднялся круглолицый человек в кургузом пиджаке. – Ну перестаньте, право! Вечно мы ругаемся, вонзаем друг в друга шпильки, а зачем? Ведь театр – это такое хорошее, доброе, красивое дело! Если не любить друг друга, если все время тянуть одеяло на себя, оно разорвется!

– Вот суждение человека, которому нельзя заниматься режиссурой, – сказал на это Штерн, кладя круглолицему руку на плечо. – Сядь, Вася. А вы все угомонитесь. Видите, Андрей Гордеевич, в каком сумасшедшем доме я работаю? Так, кто у нас остался? Ну, это, как вы догадались, наш «злодей» Антон Иванович Мефистов, – довольно небрежно махнул он на брюнета. Ткнул пальцем в круглолицего. – Это Васенька – наш «простак», поэтому и псевдоним ему Простаков. К данному амплуа относятся роли верных соратников и симпатичных недотеп. В «Трех сестрах» он был Тузенбах, в «Гамлете» – Гораций... Вот и вся труппа.

– А Зоя? – раздался укоризненный голос Альтаирской. Эраст Петрович не слышал его всего несколько минут, а уже по нему соскучился.

– Меня всегда забывают. Как малозначительную деталь.

Веснушчатая барышня, которая целовала героя Девяткина и от чувств сжала ему больную руку, произнесла эти слова с наигранной веселостью. Она была очень мала ростом – побалтывала не достающими до пола ногами.

– Виноват, Зоенька! Меа culpa! – Штерн ударил себя кулаком в грудь. – Это наша чудесная Зоенька Дурова. Амплуа – «дура», то есть шутиха. Великолепный талант гротеска, пародии, дуракаваляния, – распинался он, очевидно, желая компенсировать свою промашку. – А еще она – несравненная травести. Играет хоть мальчиков, хоть девочек. Представьте себе, я похитил ее из цирка лилипутов. Она там препотешно представляла обезьяну.

Шустров поглядел на маленькую женщину без интереса и стал смотреть на Фандорина.

– У лилипутов я считалась переростком, а тут я недоросток. – Дурова взяла миллионера за рукав, чтобы он снова к ней обернулся. – Такая судьба – меня вечно или слишком много, или слишком мало. – Она скорчила жалостную рожицу. – Зато я умею то, чего никто больше не умеет. У меня редкий слезный дар. Могу плакать не только двумя глазами, но и одним, на выбор. Правда, в моем амплуа слезы – не более чем средство вызвать смех. – Она закашлялась – неожиданно хрипло. – Извините, много курю... Полезно, чтобы играть подростков.

– Вот и вся труппа, – повторил Ной Ноевич, обводя рукой свое войско. – Так сказать, «вошедшие в ковчег». Господина Фандорина можете не учитывать. Он кандидат в драматурги, но в команду еще не зачислен. Покамест приглядываемся друг к другу.

А Эраст Петрович, собственно, уже пригляделся. У него созрели первые предположения и, кажется, обрисовался круг подозреваемых.

Про роковую корзину он уже всё выяснил. Заказана в магазине «Флора» запиской с приложением пятидесяти рублей. Записка не сохранилась, да в ней ничего особенного и не было, только указание прицепить карточку «Божественной Э. А.-Л.». Корзину мальчишка-рассылный доставил в театр, где она до конца спектакля простояла за кулисами, в капельдинерской. Проникнуть туда, в принципе, мог любой человек, даже и снаружи. Однако Эраст Петрович почти не сомневался, что вчерашнюю мерзость подстроил кто-то из присутствующих. Во всяком случае, представлялось целесообразным пока не рассеиваться на другие версии.

Климат в труппе знойный, всякого рода антагонизмов в избытке, но на роль «змеелова» годились не все.

Трудновато было вообразить за таким занятием, например, царственную Василису Прокофьевну. И «резонер» при всей своей сардоничности вряд ли стал бы пачкаться – слишком почтенен. Спокойно можно исключить Простакова. Кокетливая субретка Клубникина не стала бы брать своими розовыми пальчиками рептилию. Труффальдино-Ловчилин? Налить клея в калошу режиссеру – такое хулиганство, пожалуй, в его духе, но для пакости с ядовитой змеей требуется особенная злобность натуры. Здесь чувствуется неистовая, патологическая ненависть. Или столь же испепеляющая зависть.

Вот госпожу Лисицкую с ее кривым ртом и ушами летучей мыши запросто можно представить заклинательницей змей. Или господина Мефистова с его нелюбовью к «смазливому мордашкам»...

Вдруг Фандорин спохватился, что невольно попался на удочку хитроумного Ноя Ноевича: спутал живых людей с актерскими амплуа. То-то и получилось, что главными подозреваемыми выходят «злодей» со «злодейкой».

Нет, первыми впечатлениями руководствоваться нельзя. Лучше пока вообще подождать с выводами. В этом мире все не такое, каким кажется. Всё притворное, ненастоящее.

Надо приглядеться лучше. Актеры не похожи на обычных людей. То есть именно что *похожи*, но на самом деле это, возможно, некий особенный подвид homo sapiens, обладающий своими специфическими повадками.

Как раз представилась и возможность продолжить наблюдения – Андрей Гордеевич Шустров начал произносить речь.

Осквернение скрижалей

Речь предпринимателя была под стать облику – сухая, точная, лишенная каких бы то ни было излишеств. Шустров будто читал наизусть меморандум или реляцию. Это ощущение усугублялось из-за манеры излагать соображения в виде нумерованных тезисов. Эраст Петрович и сам нередко прибегал к похожему методу для большей ясности умопостроений, но в устах покровителя искусств цифирь звучала странновато.

– Пункт первый, – начал Андрей Гордеевич, обращаясь к потолку, словно прозревал грядущее. – В двадцатом столетии зрелища перестанут быть полем деятельности антрепренеров, импресарио и прочих одиночек, а развернутся в огромную высокоприбыльную индустрию. Кто из промышленников раньше это поймет и умнее развернется, тот и займет господствующие позиции.

Пункт второй. Именно с этой целью я и мой компаньон мсье Симон год назад создали «Театрально-кинематографическую компанию», где я взял на себя театральное направление, а он кинематографическое. На нынешнем этапе мсье Симон подыскивает киносъемщиков и договаривается с прокатчиками, закупает аппаратуру, строит кинофабрику, арендует электротeatры. Он учился всему этому в Париже на студии «Гомон». Я же тем временем помогаю вашему театру прославиться на всю Россию.

Пункт третий. Я решил сделать ставку на господина Штерна, потому что вижу в нем огромный потенциал, идеально подходящий для моего проекта. Теория Ноя Ноевича о соединении искусства с сенсационностью представляется мне стопроцентно верной.

Пункт четвертый. О том, как мы с компаньоном намерены соединить сферы нашей деятельности, я расскажу вам во время нашей следующей встречи. Кое-что наверняка покажется вам непривычным, даже тревожным. Поэтому сначала мне бы хотелось заслужить ваше доверие. Вы должны понять, что мои и ваши интересы полностью совпадают. И это приводит нас к пятому, заключительному пункту.

Итак, пункт пятый. Я заявляю со всей ответственностью, что поддержка «Ноева ковчега» для меня не прихоть и не временный каприз. Возможно, кому-то из вас показалось странным, что я обеспечиваю театр всем необходимым, при этом не покушаясь на вашу выручку – кажется, весьма значительную...

– Благодетель вы наш! – воскликнул Ной Ноевич. – Нигде в Европе актеры не получают такого жалованья, как в нашем, то есть *вашем* театре!

Зашумели и остальные. Шустров терпеливо дождался, пока благодарственный гул утихнет, и продолжил фразу там, где она была прервана:

– ...весьма значительную и, полагаю, еще не достигшую своего максимума. Обещаю всем вам, дамы и господа, что, связав свою судьбу с «Театрально-кинематографической компанией», вы навсегда забудете о финансовых трудностях, с которыми приходится сталкиваться обычным актерам... – Снова оживление, прочувствованные возгласы, даже рукоплескания. – ...А артисты первого плана сделаются весьма и весьма состоятельны.

– Ведите в бой, отец-командир! – вскричал премьер Смарагдов. – А уж мы за вами в огонь и в воду!

– ...И в доказательство серьезности моих намерений – это, собственно, и есть пятый пункт – я хочу предпринять шаг, который навсегда обеспечит экономическую независимость «Ноева ковчега». Сегодня я сделал в банке вклад на триста тысяч, процент с которого будет поступать в вашу пользу. Взять эти деньги обратно мне или моим наследникам невозможно. Если вы решите со мной расстаться, капитал все равно останется в коллективном владении театра. Если я умру, ваша самостоятельность все равно будет гарантирована. У меня всё. Благодарю...

Щедрого жертвователя приветствовали стоя, с криками, слезами и лобзаниями, которые Шустров невозмутимо снес, вежливо благодаря каждого лобызającego.

– Тише, тише! – надрывался Штерн. – У меня предложение! Слушайте же! К нему повернулись.

Срывающимся от чувств голосом режиссер объявил:

– Предлагаю сделать запись в «Скрижалях»! Это исторический день, дамы и господа! Давайте так и запишем: сегодня «Ноев ковчег» обрел истинную независимость.

– И будем отмечать каждое шестое сентября как День независимости! – подхватила Альтаирская.

– Ура! Браво! – закричали все.

А Шустров задал вопрос, возникший и у Фандорина:

– Что это – «Скрижали»?

– Так называется наша священная книга, молитвенник театрального искусства, – объяснил Штерн. – Настоящий театр немыслим без традиций, без ритуала. Например, после спектакля мы непременно выпиваем по бокалу шампанского и я провожу разбор игры каждого артиста. В день нашего дебюта мы решили, что будем регистрировать все важные события, свершения, триумфы и открытия в особом альбоме под названием «Скрижали». Каждый из актеров имеет право записать там свои озарения и высокие мысли, касающиеся ремесла. О, там очень много ценного! Когда-нибудь наши «Скрижали» будут изданы в виде книги, ее переведут на множество языков! Вася, дай-ка.

Простаков подошел к мраморному постаменту, на котором лежал фолиант в роскошном бархатном переплете. Эраст Петрович полагал, что это реквизит из какого-нибудь спектакля, а это, оказывается, был молитвенник театрального искусства.

– Вот, – Штерн стал перелистывать страницы, исписанные разными почерками. – В основном, конечно, пишу я. Излагаю свои заметки по теории театра, заново впечатления от

сыгранного спектакля. Но немало ценного вписывают и другие. Послушайте-ка, это Ипполит Смарагдов: *«Спектакль подобен акту страстной любви, где ты – мужчина, а публика – женщина, которую надобно довести до экстаза. Не сумел – она останется неудовлетворенной и сбежит к более пылкому любовнику. Но коли преуспел, она пойдет за тобою на край света»*. Вот слова настоящего героя-любовника! Потому и поклонницы вопят под окнами.

Красавец Ипполит картинно поклонился.

– Здесь и остроумное встречается, – перелистнул еще несколько страниц Штерн. – Смотрите, Костя Ловчилин нарисовал. Сверху надпись: «Вошли в ковчег Ной с чадами, а также звери земные по роду, и скоты по роду, и гад движущийся на земли, и птица пернатая, мужеский пол и женский». И мы все изображены очень похоже. Вот я с моими «чадами», Элизой и Ипполитом, вот гранд-дама с Разумовским в виде благородных зверей, вот «скоты» – сам Костя с Серафимой Клубникиной, вот наши злодей и злодейка пресмыкаются по земле, вот «птицы пернатые» – филин Вася и колибри Зоенька, а Девяткин изображен в качестве якоря!

Шустров серьезно рассматривал шарж.

– Еще есть перспективный жанр кинематографии – анимированный рисунок, – сказал он. – Это картинки, только движущиеся. Тоже надо будет заняться.

– Эй, кто-нибудь, дайте ручку и чернильницу! – велел Ной Ноевич и начал выводить на пустом листе торжественные письма.

Все сгрудились, заглядывая ему через плечо. Подошел и Фандорин.

Сверху на странице было типографским способом напечатано:

6 (19) СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА, ПОНЕДЕЛЬНИК.

«День независимости, обретенной благодаря феноменальному великодушию благороднейшего А. Т. Шустрова: праздновать ежегодно!» – написал Штерн, и все троекратно прокричали «Виват!».

Хотели снова накинуться на благодетеля с поцелуями и рукопожатиями, но тот проворно отступил к двери.

– Должен быть в пять часов на заседании городской думы. Важный вопрос – пускать ли гимназистов на вечерние сеансы в электротeatры. Это почти треть потенциальной аудитории. Откланиваюсь.

После его ухода актеры еще какое-то время повосторгалась, потом Штерн приказан рассаживаться. Все разом умолкли.

Предстояло важное: объявление новой пьесы и, самое главное, распределение ролей. Лица сделались напряженными; с одинаковым выражением, в котором смешивались подозрительность и надежда, артисты смотрели на руководителя. Спокойнее других выглядели Смарагдов и Альтаирская-Луантэн, им можно было не бояться невыигрышных ролей. Но все же и они, кажется, волновались.

Вернувшись на свой наблюдательный пункт, Фандорин тоже изготавился, вспомнил слова Ноя Ноевича, что именно в этот момент привычные к притворству лицедеи раскрывают свое истинное «я». Возможно, картина сейчас прояснится.

Известие о том, что труппе предстоит играть «Вишневый сад», энтузиазма не вызвало и обстановки не разрядило.

– А поновее ничего не сыскалось? – спросил Смарагдов, и некоторые кивнули. – На что нам драмотборщик, – показал премьер на Фандорина, – коли мы опять берем Чехова? Поживей бы что-нибудь. Позрелищней.

– Где я вам возьму новую пьесу, чтобы там были хорошие роли для каждого? – засердился Ной Ноевич. – А «Сад» отлично раскладывается на двенадцать партий. Сюжет публике известен, это правда. Но мы возьмем революционностью трактовки. О чем, по-вашему, пьеса?

Все задумались.

– О торжестве грубого материализма над бесполезностью красоты? – предположила Альтаирская.

Эраст Петрович подумал: «Она умна, это замечательно». Но Штерн не согласился.

– Нет, Элизочка. Эта пьеса о комизме интеллигентского бессилия и еще о неотвратимости смерти. Это очень страшная пьеса с безысходным концом, и притом очень злая. А комедией она называется, потому что судьба безжалостно потешается над людьми. Здесь у Чехова, как обычно, все намеками, да полутонами. Мы же доведем каждую недомолвку до полной ясности. Это будет античеховская постановка Чехова! – Режиссер все больше воодушевлялся. – У Чехова в этой драме нет конфликта, потому что во время написания автор был тяжело болен, у него уже не оставалось сил бороться – ни со Злом, ни со Смертью. Мы с вами воссоздадим Зло во всеоружии. Оно станет главным двигателем действия. При чеховской многослойности образов и смыслов подобная интерпретация вполне позволительна. Мы придадим психологической размытости персонажей определенность, как бы наведем на фокус, обострим, разделим на традиционные амплуа. В этом и будет состоять новаторство!

– Гениально! – вскричал Мефистов. – Браво, учитель! А кто главный носитель Зла? Лопухин? Погубитель вишневого сада?

– Ишь чего захотел, – усмехнулся Смагдов. – Лопухина ему подавай.

– Носитель Зла – конторщик Епиходов, – ответил «злодею» режиссер, и Мефистов сник. – Этот жалкий человечек – олицетворение пошлого, мелкого зла, с которым каждый из наших зрителей встречается в жизни гораздо чаще, чем со Злом демонического размаха. Но дело не только в этом. Епиходов еще и ходячий Знак Беды – притом с револьвером в кармане. Его прозвище «22 несчастия». Когда несчастий так много, это страшно. Епиходов – вестник разрушения и смерти, бессмысленной и беспощадной. Недаром персонажи повторяют зловещим рефреном: «Епиходов идет, Епиходов идет». И вот он бродит где-то за сценой, перебирая струны своей «мандолины». У меня она будет исполнять похоронный марш.

– А кто из женщин несет Зло? – спросила Лисицкая. Штерн усмехнулся.

– Нипочем не догадаетесь. Варя, приемная дочь Раневской.

– Как это? Она такая славная! – поразился Простаков.

– Вы плохо читали пьесу, Васенька. Варя – ханжа. Собирается уйти на богомолье или в монастырь, а сама кормит божьих странников одним горохом. Ее обычно играют скромной, самоотверженной труженицей, а какая она к черту труженица? Экономка, приведшая имение с роскошным вишневым садом к разорению и гибели. Единственная светлая нота в пьесе – это робкая попытка сближения Пети с Аней, но Варя не дает этому ростку расцвести, она все время на чеку. Потому что в царстве Зла и Смерти нет места живой Любви.

– Это очень глубоко. Очень, – задумчиво молвила Лисицкая. По ее некрасивому лицу прошла быстрая смена гримас: фальшиво-благочестивая, приторно-сладкая, завистливая, злая.

– А кто будет воплощать собою Добро? Петя Трофимов? – будто подсказал режиссеру Простаков.

– Я думал об этом. Болтливое, прекраснотушное добро перед лицом всепобеждающего зла? Слишком беспросветно. Трофимов, конечно, достается вам, Вася. Играйте его в классической манере «милый простак». А миссию борьбы со Злом возьмет на себя победительный Лопухин. – Ной Ноевич сделал жест в сторону премьера, и тот, поразив Эраста Петровича, показал язык посрамленному Мефистову. – Чтобы вывести Россию из ее убогого, нищего

состояния, нужно вырубить вишневые сады, которые больше не дают урожая. Нужно работать на земле, заселить ее активными, современными людьми. Советую вам, Ипполит, играть нашего благодетеля Андрея Гордеевича Шустрова, фотографически. Но – и это очень важный нюанс – Добро, в силу своего великодушия, слепо. Поэтому в конце Лопехин берет на службу Епиходова. Когда публика услышит это известие, она должна содрогнуться от зловещего предчувствия. Зловещее предчувствие – вообще ключ к трактовке спектакля. Всё скоро кончится, и закончится скверно – это настроение как пьесы, так и нашей эпохи.

– Я, конечно, Раневская? – сладким голосом спросила гранд-дама Регинина. – Давно мечтала об этой роли!

– Кто же еще? Стареющая, но все еще красивая женщина, живущая любовью.

– А я? – не выдержала Элиза. – Не Аня же? Она совсем девочка.

Штерн нагнулся над ней, заворковал:

– Что вы, девочку не сыграете? Аня – это Свет и Радость. Вы тоже.

– Помилуйте, рецензенты будут смеяться! Скажут, Альтаирская начала молодиться!

– Вы их очаруете. Я велю вам сшить платье всё в зеркальной крошке, от него так и будут рассыпаться солнечные зайчики. Каждый ваш выход будет праздником!

Элиза спорить перестала, но вздохнула.

– Кто там у нас остался? – Режиссер заглянул в книжку. – Господин Разумовский сыграет Гаева. Стародум, славные, но отжившие ценности, то-сё, тут всё ясно...

– Что ясно? Почему ясно? – закипятился «резонер». – Вы мне дайте рисунок! Развитие характера!

– Какое еще развитие? Скоро вспыхнет всемирный пожар, и сгорит в нем ваш Гаев вместе со своим многоуважаемым шкафом. Вечно вы мудрите, Лев Спиридонович... Так, дальше. – Штерн ткнул пальцем в маленькую Дурову. – Зою подстарим, сыграете фокусницу Шарлотту. Ловчилину достается лакей Яша. Клубникиной – горничная Дуняша. Себе я беру Фирса. Ну а вы, Девяткин, – Симеонов-Пищик и всякая мелочь вроде Прохожего или Начальника станции...

– Симеонов-Пищик? – трагическим шепотом повторил ассистент. – Позвольте, Ной Ноевич, но вы обещали дать мне большую роль! Вам же понравилось, как я исполнил Соленого в «Трех сестрах»! Я рассчитывал на Лопехина!

– Сами вы «многоуважаемый шкаф», – довольно громко пробурчал Разумовский, очевидно, тоже недовольный ролью.

– Ну и Лопехин! – покрутил пальцем у виска Смарагдов, потешаясь над ассистентом.

Крошка трагедии заступилась за Девяткина:

– А что? И очень было бы интересно! Какой из вас Лопехин, Ипполит Аркадьевич? Вы на мужичьего сына непохожи.

Красавец от нее отмахнулся, как от мошки.

– Когда вы мне дали исполнить Соленого, я подумал, что вы в меня поверили! – всё шептал Девяткин, хватая режиссера за рукав. – Какого-то Пищика после Соленого?!

– Да отстаньте вы! – разозлился Штерн. – Соленого вы не сыграли, а именно что «исполнили». Потому что я дал вам сыграть самого себя. Лермонтов для бедных!

– Ну, это вы не смеете! – Бледная физиономия помощника покрылась пунцовыми пятнами. – Это, знаете, последняя капля! Я ведь немного прошу, не в режиссеры набиваюсь!

– Ха-ха, – раздельно произнес Ной Ноевич, глядя на него сверху вниз. – Еще не хватало. У вас, стало быть, режиссерские амбиции? Когда-нибудь поразите всех. Такой поставите спектакль, что все ахнут.

Сказано это было с нескрываемой насмешкой, словно он провоцировал ассистента на скандал.

Фандорин поморщился, ожидая крика, истерики или другого какого-нибудь безобразия. Но Штерн оказался превосходным психологом. От прямого афронта Девяткин поник, съежился, опустил голову.

– Я что же? – тихо сказал он. – Я ничего. Пусть будет по вашему слову, учитель...

– Ну то-то. Коллеги, разбирайте текст. Мои ремарки, как обычно, красным карандашом.

Недовольные умолкли. Все взяли из лежащей на столе стопки по экземпляру, причем Эраст Петрович обратил внимание, что папки разноцветные. Очевидно, каждый цвет был закреплен за определенным амплуа – еще одна традиция? Премьер без колебаний взял красную папку. Примадонна – розовую, а Регининой передала голубую со словами: «Это ваша, Василиса Прокофьевна». Резонер мрачно выдернул темно-синюю, Мефистов – черную, и так далее.

В это время заглянул служитель, сказал, что «господина режиссера» просят к телефону. Очевидно, Штерн ждал этого звонка.

– Перерыв на полчаса, – сказал он. – Потом начинаем работать. Пока прошу каждого перелистать свою роль и освежить ее в памяти.

Стоило руководителю выйти, как табу на волновавшую всех тему перестало действовать. Все заговорили о вчерашнем событии, что устраивало Фандорина как нельзя лучше. Он сидел, стараясь не привлекать внимания. Смотрел, слушал, надеялся, что виновный как-то себя выдаст.

Поначалу преобладали эмоции: сочувствие «бедной Элизочке», восхищение подвигом Девяткина. Тот по просьбе мужчин разбинтовал руку и предъявил укус.

– Пустяки, – мужественно говорил помощник режиссера, шевеля пальцами. – Уже не больно.

Но мирная фаза общей беседы длилась недолго. Бикфордов шнур запалила «интриганка».

– Как вы все-таки ловко успели отдернуть руку, Элизочка, – заметила Лисицкая с неприятной улыбкой. – Я бы окоченела от страха и была бы ужалена. А вы будто знали, что в цветах прячется гадина.

Альтаирская качнулась, как от пощечины.

– На что вы намекаете? – воскликнул Простаков. – Уже не хотите ли вы сказать, что Элиза сама всё подстроила?

– Мне это в голову не приходило! – «Интриганка» всплеснула руками. – Но раз уж вы сами об этом заговорили... Жажда сенсационной славы толкает людей и на более отчаянные поступки.

– Не слушай ее, Элиза! – Простаков взял потрясенную Альтаирскую за руку. – А вы, Ксантиппа Петровна, нарочно это устраиваете. Потому что знаете – все подозревают вас.

Лисицкая громко рассмеялась.

– Ну разумеется, кого ж еще? А я, между прочим, обратила внимание на одну маленькую, но любопытную детальку. Обыкновенно вы, верный рыцарь, на поклонах подхватываете самую красивую корзину и лично подаете ее даме своего сердца. А в этот раз не стали. Почему?

Простаков не нашелся, что ответить, и от возмущения лишь затряс головой.

Господин Мефистов, почмокав, мрачно произнес:

– Я бы не удивился ничему. То есть *никому*. – И поочередно обвел взглядом каждого.

Всякий, на кого устремлялся подозрительный взгляд «злодея», реагировал по-разному. Кто-то протестовал, кто-то бранился. Дурова высунула язык. Регинина, презрительно усмехнувшись, удалилась в коридор. Разумовский зевнул.

– Ну вас к черту. Пойти что ли покурить, роль посмотреть...

Настоящего скандала все-таки не вышло. Через минуту-другую все разобрались, оставив пару «злодеев» в некотором разочаровании.

– Вы, Антоша, могли бы выкинуть такую штуку, просто чтобы раздражить гусей, – будто по инерции сказала Лисицкая партнеру. – Признайтесь, ваша работа?

– Бросьте, – вяло ответил Мефистов. – Что нам друг дружку дразнить? Сяду в зале, примеру Епиходова. Тоже еще роль...

«Интриганка», кажется, была недовольна. Поскольку в артистическом фойе никого кроме Фандорина не осталось, попробовала свои когти на новеньком.

– Загадочный незнакомец, – вкрадчиво начала она. – Вы появились так внезапно. Прямо как вчерашняя корзина, которую неизвестно кто прислал.

– Простите, сударыня, не имею времени, – холодно ответил Эраст Петрович и поднялся.

Сначала заглянул в зрительный зал. Там, разместившись по одиночке, на отдалении друг от друга, сидели и смотрели в свои разномастные папки несколько актеров. Элизы среди них не было.

Он направился в коридор.

Прошел мимо Ловчилина, пристроившегося на подоконнике, мимо дымившего трубой Разумовского, мимо хмурого Девяткина, уставившегося в одну-единственную страничку текста.

Альтаирскую-Луантэн он обнаружил на лестнице. Она стояла у окна, спиной к Эрасту Петровичу, обхватив себя за плечи. Текст в розовом переплете лежал на перилах.

«Хватит валять дурака, – сказал себе Фандорин. – Мне нравится эта женщина. Во всяком случае, она мне интересна, она меня интригует. А стало быть, надо с нею заговорить».

Он посмотрелся в зеркало, кстати оказавшееся неподалеку, и остался удовлетворен тем, как выглядит. Не бывало случая, чтобы дамы оставались равнодушны к его внешности – особенно, если он желал понравиться.

Подойдя, Эраст Петрович деликатно откашлялся и, когда она обернулась, мягко сказал:

– Вы напрасно расстроились. Лишь доставили этой злоязыкой даме удовольствие.

– Да как она посмела?! – жалобно воскликнула Элиза. – Предположить, будто я сама...

Она брезгливо передернулась.

Остро ощущая, как близко она стоит, всего лишь на расстоянии вытянутой руки, Фандорин с тонкой улыбкой продолжил:

– Женщины склада госпожи Лисицкой не способны существовать вне атмосферы скандала. Нельзя позволять, чтобы она затягивала вас в свои игры. Этот психологический тип личности называется «скорпион». В сущности, несчастные, очень одинокие люди...

Начало разговора получилось удачное. Во-первых, удалось ни разу не заикнуться. Во-вторых, собеседница теперь должна была спросить про психологические типы, и тут уж Фандорин сумел бы ее собою заинтересовать.

– А, пожалуй, верно! – удивилась Альтаирская-Луантэн. – В Ксантиппе действительно есть какой-то внутренний надлом. Делает пакости, но в глазах что-то жалкое, просящее. Вы наблюдательный человек, господин... – Она запнулась.

– Фандорин, – напомнил он.

– Да-да, господин Фандорин. Штерн сказал, что вы знаток современной литературы, но вы ведь не просто драмотборщик? В вас чувствуется какая-то... *особость*. – Она не сразу подобрала слово, но оно Эрасту Петровичу пришлось по вкусу. Еще больше понравилось ему, что на ее лице появилась обворожительная улыбка. – Вы так хорошо разбираетесь в людях. Должно быть, вы пишете театральные рецензии? Кто вы?

Немного подумав, он ответил:

– Я... путешественник. А рецензий, увы, не пишу.

Улыбка угасла, равно как и интерес, читавшийся в волшебном неуловимом взоре.

– Путешествовать, говорят, увлекательно. Но я никогда не понимала удовольствия вечно перемещаться с места на место.

Ее взгляд, красноречиво брошенный на розовую папку, мог означать только одно: оставьте меня в покое, разговор окончен.

Но Эраст Петрович не хотел уходить. Нужно было сказать ей нечто такое, отчего она поняла бы, что их встреча не случайна, что тут какая-то непонятная, но в то же время несомненная интрига судьбы.

– Элиза... Простите, не знаю вашего отчества...

– Я не признаю отчеств. – Она взяла текст в руки. – От них тянет мертвечиной и азиатчиной. Будто ты – собственность твоего родителя. А я принадлежу только себе. Можете звать меня просто Элизой. Или, если угодно, Елизаветой.

Тон был безразличен, даже холодноват, но Фандорин пришел в еще большее волнение.

– Вот именно, вы – Елизавета, Лиза. А я Эраст! П-понимаете? – воскликнул он с горячностью, которой в себе и не подозревал, да еще и заикаясь сверх всякой меры. – Я увидел в этом п-перст с-судьбы... Этот ваш жест с п-протянутой рукой... И еще с-сентябрь...

Он запнулся, видя: нет, ничего она не понимает. Никакого ответного движения души, никакой реакции кроме легкого недоумения. Удивляться было нечему. Что ей Эраст, что ей сентябрь, что ей белая рука?

Он стиснул зубы. Не хватало еще, чтобы Лиза, то есть Элиза, сочла его безумцем или экзальтированным поклонником. Вокруг нее и без Фандорина более чем довольно и тех, и других.

– Я хочу сказать, что меня поразила ваша игра во вчерашнем спектакле, – сдержаннее сказал он, всё пытаясь поймать ее уклоняющийся взгляд, задержать его. – Никогда не испытывал ничего подобного. Ну и, конечно, потрясло совпадение имен. Меня ведь тоже з-зовут Эрастом. Петровичем...

– А да, в самом деле. Эраст и Лиза, – снова улыбнулась она, но рассеянно, безо всякого тепла. – Что там за вопли? Опять скандалят...

Он с досадой обернулся. Наверху действительно кто-то кричал. Фандорин узнал голос режиссера. «Кошунство!.. Святотатство!.. Кто это сделал?» – доносилось со стороны артистического фойе.

– Нужно идти. Ной Ноевич вернулся и, кажется, на что-то сердится.

Опустив голову, Эраст Петрович шел за Элизой, кляня себя за то, что провалил первый разговор. С ранней юности он не вел себя с женщинами так по-идиотски.

– Я хочу знать, кто это сделал!

У входа в кресельную (иногда актерское фойе называли и так) стоял разъяренный Ной Ноевич с раскрытыми «Скрижалями» в руках.

– Кто осмелился?!

Фандорин заглянул в раскрытую книгу. Прямо под торжественной записью о Дне независимости кто-то фиолетовым химическим карандашом вкривь и вкось, крупно, накарябал: **«До бенефиса восемь единиц. Одумайтесь!»**

Все подходили, смотрели, недоумевали.

– Театр – это храм! Служение актера – высокая миссия! Без благоговения и сакральных предметов нам нельзя! – чуть не плакал Штерн. – Тот, кто это сделал, хотел оскорбить меня, нас всех, наше искусство! Что это за каляки? Что они означают? Сколько раз повторять: у меня в театре нет и не будет бенефисов. Это во-первых. А во-вторых, надругаться над нашей святыней – все равно что нагадить в церкви! На такое способен только вандал!

Кто-то слушал его с сочувствием, кто-то разделял негодование, но слышались и смешки. Во всяком случае, автор дурацкой надписи не объявлялся.

– Уйдите все, – слабым голосом сказал режиссер. – Никого не хочу видеть... Работать сегодня невозможно. Завтра, завтра...

Пользуясь тем, что все смотрят на страдальца, Фандорин не сводил глаз с Элизы. Она казалась ему недостижимо далекой, воистину звезда Аль-Таир, и эта мысль отчего-то была мучительна.

Он понимал: с этой болью нужно что-то делать, сама собой она не утихнет.

Нерешаемых проблем не бывает

Вторую ночь подряд Эраст Петрович не мог уснуть. Притом мысли его были заняты отнюдь не дедукцией по поводу змеи в цветочной корзине. Внутреннее состояние гармонического человека миновало несколько последовательных стадий.

На первой Фандорину вдруг открылась простая истина, которую менее умный и сложный индивидуум осознал бы гораздо раньше. (Правда, нужно сделать скидку на то, что эту страницу жизни Эраст Петрович считал давно прочитанной и навсегда закрытой).

«Я влюблен», – внезапно сказал себе 55-летний мужчина, много всякого повидавший и переживший на своем веку. Удивился до невероятности, даже рассмеялся в тишине пустой комнаты. Увы, сомнения нет – влюблен я? Влюблен, как мальчик, полон страсти юной? Да полно! Какая постыдная нелепость, даже пошлость! Перегореть сердцем к 22-летнему возрасту; потом еще треть века жить над едва тлеющим пеплом, бестрепетно снося разящие удары судьбы и сохраняя холодность рассудка при самых роковых обстоятельствах; достичь душевного покоя и ясности в нестаром еще возрасте – и вновь впасть в ребячество, оказаться в смешном положении влюбленного?!

И, главное, в кого! В актрису, то есть существо заведомо неестественное, изломанное, фальшивое, привыкшее кружить головы и разбивать сердца!

Но это только половина проблемы. Вторая еще унижительней. Влюбленность была неразделенной, без взаимности и даже интереса с противоположной стороны.

За минувшие годы столько женщин – прекрасных и умных, блестящих и глубоких, inferнальных и ангелоподобных – дарили ему обожание и страсть, он же в лучшем случае позволял им себя любить, почти никогда не теряя хладнокровия. А эта заявляет: «Я принадлежу только себе». И смотрит, будто на надоедливую муху!

Так Эраст Петрович, незаметно для себя, перешел на следующую стадию – возмущения.

Да принадлежите вы кому хотите, сударыня, мне что за дело! Влюбился? Взбредет же в голову этакая блажь! Снова рассмеявшись (теперь уже не удивленно, а сердито), он приказал себе немедленно выкинуть примадонну с трескучим псевдонимом из головы. Пусть они там в своем театрике сами разбираются, кто кому подкладывает свинью – то есть гадюку. Бывать в их сумасшедшем доме опасно для психики рационального человека.

Воля у Эраста Петровича была стальная. Решил – как отрезал. Сделал вечернюю гимнастику, даже поужинал. Перед сном почитал Марка Аврелия, выключил свет. И в темноте наваждение навалилось с новой силой. Вдруг возникло ее лицо со смотрящими сквозь тебя глазами, послышался нежный, глубокий голос. И прогонять «принцессу Грезу» не было ни сил, ни, что хуже всего, желания.

До рассвета Фандорин проворочался, время от времени пытаясь отделаться от мнящего видения. Но был вынужден признать, что порция яда слишком сильна, организм отравлен безвозвратно.

Он оделся, взял нефритовые четки и занялся проблемой всерьез, по-настоящему. Так началась третья стадия – осмысления.

Я влюблен, отрицать абсурдно. Это раз. (Щелкнул зеленый шарик.)

Видимо, без этой женщины жизнь будет мне не в радость. Это два. (Снова щелчок.)

Значит, нужно сделать так, чтобы она была моей – только и всего. Это три.

Вот и вся логическая цепочка.

Сразу сделалось легче. У человека действия, к каковым относился Фандорин, ясно обозначенная цель вызывает прилив энергии.

Прежде всего пришлось внести поправки в действующую конституцию, которая никак не предусматривала такого неожиданного кульбита на гармоничном пути к старости.

Идет себе человек по полю, перейти которое – жизнь прожить, спокойно смотрит на плавную линию горизонта, и тот вроде бы постепенно проясняется, становится ближе. Дорога приятна, шаг размерен, небо над головой клубится спокойными тучами – ни солнца, ни дождя. И вдруг удар грома, разряд молнии, и неистовая электрическая стрела пронзает все существо, тьма обрушивается на землю, не видно ни дороги, ни горизонта, куда идти непонятно, а главное – не понятно, надо ли вообще куда-то идти. Человек предполагает, а Бог располагает.

И тело, и душу пронизывала электрическая вибрация. Фандорин чувствовал себя черепахой, внезапно оставшейся без панциря. И страшно, и стыдно, но зато не выразимое словами ощущение, будто... *будто дышит вся кожа*. И еще: словно дремал и вдруг проснулся. Можно и мелодраматичней: восстал из мертвых. Кажется, я похоронил себя раньше времени, думал Эраст Петрович, все быстрее перебирая нефритовые шарики. Пока продолжается жизнь, в ней возможны *любые* неожиданности – как счастливые, так и катастрофические. Причем главные из этих сюрпризов совмещают в себе и первое, и второе.

Фандорин сидел в кресле, глядя на медленно наполняющийся светом оконный проем, и растерянно прислушивался к происходящим внутри переменам.

Таким и застал его Маса, осторожно заглянувший в дверь в восьмом часу утра.

– Что случилось, господин? С позавчерашнего дня вы на себя не похожи. Я вам не докучал, но это меня тревожит. Я никогда вас таким не видел.

Подумав, японец поправился:

– Давно таким не видел. У вас стало молодое лицо. Как тридцать три года назад. Вы, наверно, влюбились?

Когда же Фандорин с изумлением воззрится на ясновидца, Маса шлепнул себя по блестящей макушке:

– Так и есть! О, как это тревожно! Нужно принимать меры.

Это мой единственный друг, который знает меня лучше, чем я сам себя знаю, подумал Эраст Петрович. Таиться от него бессмысленно, а кроме того Маса отлично разбирается в женской психологии. Вот кто может помочь!

– Скажи, как завоевать любовь актрисы? – без обиняков спросил Фандорин о самом главном, по-русски.

– Настоящую ири понароську? – деловито осведомился слуга.

– То есть? Что значит «любовь понарошку»?

О материях чувствительных Маса предпочитал говорить на своем родном языке, считая его более утонченным.

– Актриса – все равно что гейша или куртизанка высшего ранга, – деловито принялся объяснять он. – У такой женщины любовь бывает двух видов. Легче добиться любви сыгранной – они отлично умеют ее изображать. Нормальному мужчине ничего больше и не нужно. Во имя такой любви красавица может пойти на некоторые жертвы. Например, в доказательство страсти остричь себе волосы. Иногда даже отрезать кусочек мизинца. Но не больше. Однако иногда, довольно редко, сердце подобной женщины пронзается настоящим чувством – таким, ради которого она может согласиться и на двойное самоубийство.

– Поди ты к бесу со своей японской экзотикой! – Эраст Петрович разозлился. – Я спрашиваю не про гейшу, а про актрису, нормальную европейскую актрису.

Маса задумался.

– У меня были актрисы. Три. Нет, четыре – я забыл мулатку из Нового Орлеана, которая танцевала на столе... Пожалуй, вы правы, господин. Они отличаются от гейш. Завоевать их любовь гораздо легче. Только трудно понять, сыгранная она или настоящая.

– Ничего, как-нибудь разберусь, – нетерпеливо сказал Фандорин. – Ты сказал, легче? Да еще гораздо?

– Было бы совсем легко, если б вы были режиссер, сочинитель пьес или писали в газетах статьи про театр. Актрисы признают высшими существами только три эти типа мужчин.

Вспомнив, какая улыбка озарила лицо Элизы, когда она приняла его за театрального рецензента, Фандорин так и впился глазами в своего консультанта.

– Ну? Говори, говори!

Маса рассудительно продолжал:

– Режиссером быть вы не можете, для этого нужно иметь свой театр. Рецензии писать, конечно, нетрудно, но пройдет много времени, прежде чем вы сделаете себе имя. Напишите хорошую пьесу, где у актрисы будет красивая роль. Это самое простое. Я занимался сочинительством. Дело нетрудное, даже приятное. Вот вам мой совет, господин.

– Ты издеваешься?! Я не умею писать пьесы!

– Чтобы доказать женщине свою любовь, приходится совершать подвиги. Для такого человека, как вы, преодолеть сто препятствий или победить сто злодеев – не подвиг. А вот взять и ради любимой сочинить чудесную пьесу – это было бы настоящим доказательством любви.

Эраст Петрович велел специалисту катиться к дьяволу и вновь остался один.

Но идея, вначале показавшаяся дурацкой, все вертелась в голове и постепенно увлекла Фандорина.

Любимой женщине надо дарить то, что доставит ей наибольшую радость. Элиза – актриса. Ее жизнь – театр, ее главная радость – хорошая роль. Ах, если бы в самом деле было возможно преподнести ей пьесу, в которой Элиза захотела бы сыграть! Тогда бы она перестала смотреть с вежливым безразличием. Маса дал очень неглупый совет. Жаль только, неосуществимый...

Неосуществимый?

Эраст Петрович напомнил себе, что много раз в жизни сталкивался с задачами, которые поначалу представлялись неразрешимыми. Однако решение всегда отыскивалось. Воля, ум и знание способны одолеть любую преграду.

За волей и умом дело не станет. Со знанием хуже... Осведомленность Фандорина в сфере драматургии была минимальной. Ему предстояло совершить деяние, подобное подвигу Геракла. Но можно было по крайней мере попытаться – ради такой цели.

Ясно одно. Не видеть Элизу невыносимо, но показываться ей на глаза в качестве человека из толпы, одного из многих, больше нельзя. Один раз уже получил по носу, довольно. Если являться на новую встречу, то во всеоружии.

Так бывший гармонический человек перешел в завершающую стадию – непоколебимой решимости.

К исполнению задуманного Эраст Петрович приступил со всей обстоятельностью. Сначала обложился книгами: сборниками пьес, исследованиями драматического искусства, трактатами по стилистике и поэтике. Навыки быстрого чтения и концентрация внимания вкупе с лихорадочным возбуждением позволили будущему драматургу одолеть за четверо суток несколько тысяч страниц.

Пятый день Фандорин провел в абсолютном бездействии, предаваясь медитации и создавая внутри Пустоту, где должен был зародиться животворящий Импульс, который западные люди называют Вдохновением, а восточные – Самадхи.

Какое именно сочинение он будет писать, Эраст Петрович уже знал – нужное направление подсказала беседа со Штерном об «идеальной пьесе». Оставалось дожидаться мига, когда слова потекут сами.

Ближе к вечеру взыскующий озарения Фандорин начал покачиваться в некоем ритме, его полужакрытые веки широко распахнулись.

Он обмакнул стальное перо в чернила и вывел длинное название. Сначала рука двигалась медленно, потом все быстрее и быстрее, едва поспевая за вырвавшимся на свободу потоком слов. Время окутало кабинет колыхающимся, поблескивающим облаком. Глубокой ночью, когда в небе царственно сияла полная луна, Эраст Петрович вдруг замер, почуяв, что волшебная энергия иссякла. Уронив на бумагу кляксу, он выронил ручку. Откинулся на спинку кресла и наконец, впервые за все эти дни, уснул. Лампа осталась гореть.

В комнату бесшумно вошел Маса, накрыл господина пледом. Стал читать написанное, вздыхая и скептически покачивая круглой, как луна, головой.

До бенефиса семь единиц

Месть Чингиз-хана

Хоть не ложись совсем. Опять то же: лицо в капусте и борода вокруг беззвучно поющих губ. Собственно, начиналось сновидение очень мило. Будто едет она по загородному шоссе – не в авто, а в карете. Ритмичный перестук копыт, позвякивание сбруи, мягко качают рессоры, отчего снизу вверх, утробно, подкатывают сладостные волны. Рядом никого, настроение – так и полетела бы, и душу наполняет предчувствие счастья, и ничего-ничего не нужно, только покачиваться вот так на упругом сиденье и ждать близкой радости...

Вдруг стук в левое окошко. Смотрит – там синюшное лицо с закрытыми глазами, с пышных пегих усов свисают капустные лохмотья. Рука с перстнем поправила галстук, а тот зашевелился. Не галстук это – змея!

И справа тоже стук. Дернулась – а там певец с бородкой ярко-красного цвета. Глядит на нее проникновенно, разевает рот, еще и руку плавно отводит, но ничего не слышно.

Только стук в стекло: так-так-так, так-так-так!

Одно время сны почти прекратились. Она даже не очень испугалась, когда на «Бедной Лизе» увидела в третьем ряду партера знакомую плешь и сияющий ненавистью взгляд из-под сросшихся черных бровей. Знала, что рано или поздно он объявится, была внутренне готова и осталась довольна своей выдержкой.

Но после спектакля, когда из бутонов вдруг высунулась змеиная головка с точно такими же неистовыми маленькими глазками, кошмар обрушился вновь, с еще большей тяжестью. Если б не милый, трогательно влюбленный Девяткин... Бр-р-р, об этом лучше не думать!

Двое суток потом она не давала себе спать, зная, чем это закончится. На третьи усталость возобладала – и, конечно, ужасное пробуждение. С криком, с судорожными рыданиями, икотой. С тех пор каждую ночь одно и то же: старый петербургский сон, в котором отныне еще поселилась и змея.

В дортуаре балетного училища, перед сном, маленькая Лиза часто изображала перед подругами героинь, которые умирают. От медленно действующего яда, как Клеопатра, или от чахотки, как дама с камелиями. Закалывающаяся кинжалом Джульетта тоже годилась, потому что перед тем как зарезаться, она произносит трогательный монолог. Приятно было лежать с закрытыми глазами и слушать, как всхлипывают девочки. Они все потом пошли по танцевальной части, некоторые даже достигли известности, но карьера балерины коротка, а Лиза хотела служить на театре до старости, как Сара Бернар, потому выбрала драму. Она мечтала упасть бездыханной на сцене, как Эдмунд Кин, чтобы увидела тысяча человек и чтоб думали, будто это по роли, но все равно рыдали, и чтобы последний вздох она испустила под аплодисменты и крики «Браво!».

Замуж Лиза выпорхнула рано. Играла принцессу Грёзу, Саша Лейкин – влюбленного принца Жоффруа. Первый успех, первое опьянение всеобщим обожанием. В юности так легко спутать пьесу с жизнью! Конечно, разошлись, очень скоро. Актерам нельзя жить вместе. Саша растаял где-то в провинции, от него осталась одна фамилия. Но героиня не может быть «Лизой Лейкиной», и она стала Элизой Луантэн.

Если первый брак был всего лишь неудачным, второй оказался катастрофой. Опять-таки виновата сама. Соблазнилась драматургией жизненного поворота, мишурой внешней

эффектности. Звучным титулом, наконец. Мало ли актрис, которые вышли замуж, только чтоб зваться «ваше сиятельство» или «ваша светлость»? А тут еще помпезней: «ваше высокостепенство». Именно так полагалось титуловать супругу хана. Искандер Алтаирский был блестящим офицером лейб-конвоя, старшим сыном владельца одного из кавказских ханств, присоединенных к империи в ермоловские времена. Сорил деньгами, красиво ухаживал, был недурен собой, несмотря на раннюю плешивость, а плюс к тому по-азиатски пылок и речист. Был готов пожертвовать ради любви всем – и сдержал слово. Когда начальство не дало разрешения на брак, подал в отставку, поставил крест на военной карьере. Испортил отношения с отцом, отказался от своих прав в пользу младшего брата: актриса, да еще разведенная, не могла стать супругой наследника. Но годовое содержание отщепенцу назначили очень приличное. Главное же, Искандер клялся не препятствовать сцене и соглашался на брак без детей. Чего еще, казалось бы, желать? Актрисы-соперницы от зависти чуть не полопались. Лида Яворская, в замужестве княгиня Барятинская, даже из России эмигрировала – княгинь-то в Петербурге пруд пруди, а ханша всего одна.

Второе замужество рассыпалось еще быстрее, чем первое – немедленно после свадьбы и брачной ночи. Причина заключалась не в том, что от чрезмерного возбуждения супруг не сумел проявить себя надлежащим образом (это как раз было трогательно), а в условиях, которые он выставил ей наутро. Статус ханши Алтаирской обязывает, строго сказал Искандер. Я обещал не препятствовать вашему увлечению театром и слово свое исполню, но вы должны избегать пьес, в которых вам придется обниматься или, того пуще, целоваться с мужчинами.

Элиза рассмеялась, думая, что он шутит. Когда выяснилось, что муж совершенно серьезен, она долго пыталась его урезонить. Объясняла, что в амплу героини без объятий и поцелуев обходиться невозможно; более того, сейчас входит в моду довольно откровенно показывать на сцене акт карнального торжества.

– Какого торжества? – переспросил восточный человек, так выразительно скривившись, что Элизе сразу стало ясно: проку от объяснений не будет.

– Того, которое у вас не получилось! – вскричала она, имитируя великолепную Жемчужникову в роли Марфы Посадницы. – И теперь уж не получится! Прощайте, ваше высокостепенство, медовый месяц окончен! Свадебного путешествия тоже не будет. Я подаю на развод!

Жутко вспоминать, что произошло дальше. Отпрыск древнейшего рода, прямой потомок Чингиз-хана, опустился до рукоприкладства и казарменной брани, а потом кинулся к письменному столу, чтобы вынуть револьвер и застрелить оскорбительницу на месте. Пока он возился с ключом, перепуганная Элиза, конечно, убежала и в дальнейшем соглашалась встречаться с полоумным чингизидом только в присутствии адвокатов.

При свидетелях Искандер держался цивилизованно. Учтиво объяснял, что развода никогда не даст, ибо у них в семье это считается страшным грехом и отец лишит его содержания. Против жизни порознь не возражал и даже изъявил готовность, при соблюдении супругой «приличий», платить ей алименты (от чего Элиза с брезгливостью отказалась – слава Богу, она в театре зарабатывала вполне достаточно).

Свою дикарскую натуру хан проявлял во время встреч наедине. Должно быть, он установил за женой слежку, потому что представлял перед нею в самых неожиданных местах и всегда без предупреждения. Выскакивал, как чертик из табакерки.

– Ах так? – говорил он, злобно сверкая выпуклыми глазами, которые когда-то казались ей красивыми. – Театр вам дороже моей любви? Прекрасно. На сцене можете вести себя, как шлюха. Это ваше дело. Но поскольку формально вы продолжаете оставаться моей женой, покрывать грязью мое древнее имя я не дам! Учтите, сударыня: любовники у вас могут быть

только при свете рампы и на глазах у публики. Всякий, кого вы пустите в свою постель, умрет. А вслед за ним умрете и вы!

Правду сказать, сначала ее это не очень-то пугало. Наоборот, прибавляло в жизнь огня. Во время спектакля, если любовная сцена, Элиза специально исподтишка оглядывала зал и, если наталкивалась на испепеляющий взгляд брошенного супруга, играла с удвоенной страстью.

Так продолжалось до тех пор, пока ею всерьез не увлекся антрепренер Фурштатский. Видный мужчина, с хорошим вкусом, владелец лучшего киевского театра. Предлагал идти к нему в труппу на невероятно выгодные условия, заваливал цветами, комплиментничал, щекотал ухо пышными благоухающими усами. Сделал предложение и иного рода – матри-мониального.

Она уже готова была согласиться – и на первое, и на второе. Об этом заговорили по всему театральному миру, завистницы опять кусали локти.

И вдруг, на торжественном обеде, устроенном в честь Фурштатского попечителями Театрального общества, он скоропостижно умирает! Сама Элиза на банкете не присутствовала, но ей очень живописно изобразили, как антрепренер побагровел, захрипел и упал лицом в тарелку с селянкой по-деревенски.

Элиза, конечно, в тот вечер плакала. Жалела бедного Фурштатского, говорила себе: «Значит, не судьба», и всё такое. А потом зазвонил телефон, и знакомый голос с кавказским придыханием прошептал в трубку: «Я предупреждал вас. Эта смерть на вашей совести».

Даже тогда она не начала воспринимать Искандера всерьез, он казался ей опереточным злодеем, который топорщит усы и таращит глаза, а не страшно. Мысленно она насмешливо называла его «Чингиз-ханом».

О, как жестоко наказала ее судьба за легкомыслие!

Месяца через три после смерти антрепренера, в естественности которой ни у кого сомнений не возникло, Элиза позволила себе увлечься другим мужчиной, героическим тенором из Мариинки. Тут соображения карьеры были ни при чем. Просто певец был красив (эта ее вечная слабость к картинным красавцам!) и обладал умопомрачительным голосом, от которого по всему телу разливалась дурманная истома. В ту пору Элиза уже служила в «Ноевом ковчеге», но еще дорабатывала свой концертный ангажемент. И вот однажды они с тенором (его звали Астралов) давали одноактную пьеску-дуэт «Красная борода». Милый пустячок: она декламировала и немного танцевала, Астралов пел – и был до того хорош, что потом они поехали в Стрельню и случилось то, чему рано или поздно следовало случиться. Собственно, почему нет? Она взрослая, свободная, современная женщина. Он привлекательный мужчина, не семи пядей во лбу, но зато очень талантливый и галантный. Утром Элиза уехала, ей нужно было к одиннадцати на репетицию, а любовник остался в номере. Он очень тщательно ухаживал за внешностью, повсюду возил с собой туалетный несессер: там маникюрный набор, всякие щеточки, ножнички, зеркального блеска бритва для подбрасывания бороды.

С этой бритвой в руке его и нашли. Он сидел в кресле мертвый, вся сорочка красная от крови, борода тоже. Полиция пришла к выводу, что после ночи, проведенной с женщиной, тенор перерезал себе горло, сидя перед зеркалом. Элиза была в вуали, и гостиничная прислуга ее лица не видела, так что обошлось без скандала.

На похоронах она рыдала (их там было порядком, зареванных дам), терзаясь горестным недоумением: что она такого сделала или сказала?! Как это непохоже на бонвивана Астралова! Вдруг увидела в толпе Чингиз-хана. Он посмотрел на нее, ухмыльнулся и быстро чиркнул себя пальцем по горлу.

Только тут у Элизы открылись глаза...

Убийство! Это было убийство! Даже два убийства – можно не сомневаться, что Фурштатский отравлен.

День или два она металась, как в угаре. Что делать? Что делать?

Заявить в полицию? Но, во-первых, нет никаких доказательств. Сочтут бредом взбалмошной дамочки. Во-вторых, у Астралова семья. В-третьих... В-третьих, было очень страшно.

Чингиз-хан сошел с ума, ревность к ней стала его параноидальной идеей. Повсюду – на улице, в магазине, в театре – она чувствовала слежку. И это была не мания преследования, нет! В муфте, в шляпной коробке, даже в пудренице Элиза обнаруживала маленькие клочки бумаги. Там ни слова, ни буквы, только рисунки: череп, нож, петля, гроб... От мнительности она уволила нескольких горничных, ей казалось, что они подкуплены.

Хуже всего были ночи. Из-за напряжения, из-за вынужденного одиночества (какие уж тут любовники!) Элизе снились отвратительные сны, в которых чувственность смешивалась с жуткими образами смерти.

Элиза теперь часто о ней думала. Наступит миг, когда безумие Чингиз-хана достигнет кульминации, и тогда изверг ее убьет. Это может произойти очень скоро.

Почему же все-таки она ни к кому не обратилась за помощью?

Причин несколько.

Во-первых, как уже сказано, нет доказательств и никто не поверит.

Во-вторых, стыдно за свою чудовищную глупость – как можно было выходить за монстра? Так тебе, идиотке, и надо!

В-третьих, мучило раскаяние за две погубленные жизни. Виновата – расплачивайся.

А еще – самая странная причина – никогда Элиза так остро не ощущала хрупкую прелесть мира. Доктор-психиатр, с которым она очень осторожно, не называя имен, проконсультировалась насчет Чингиз-хана, сказал, что у параноиков обострение происходит осенью. Это последняя осень моей жизни, говорила себе Элиза, глядя на начинающие желтеть тополя, и сердце ее сжималось от сладкой безысходности. Наверное, то же чувствует мотылек, летящий на свечку. Знает, что погибнет, но не хочет повернуть...

Единственный раз, поддавшись минутной слабости, проговорила она о своем страхе – дней десять назад, добрейшей Ольге Книппер. Что называется, сорвалась. Ничего конкретного не объяснила, но плакала, лепетала бессвязное. Потом сама была не рада. Оля со своей немецкой прилипчивостью измучила расспросами. Телефонировала, слала записки, а после истории со змеей примчалась в гостиницу. Делала таинственные намеки на какого-то человека, который поможет в любой ситуации, ахала, охала, пыталась. Но Элиза была будто окаменевшая. Она решила: чему быть, того не миновать, а посторонних втягивать незачем.

Отвязаться от сердобольной заступницы можно было лишь одним способом, жестоким: рассориться. И Элиза знала, как это сделать. Наговорила обидных, совершенно непростительных вещей про отношения Ольги с ее покойным мужем. Та сжалась, расплакалась, перешла на «вы». Сказала: «Вас за это Бог покарает» – и ушла.

Покарает, вяло подумала Элиза, и скоро. Такая она в тот день была помертвевшая, полуживая, что нисколько не раскаивалась. Лишь ощутила облегчение, что ее оставили в покое. Наедине с последней осенью, безумием и ночными кошмарами...

«Так-так-так! Так-так-так!» – снова постучали в стекло, и Элиза протерла глаза, гоня прочь ужасное сновидение. Нет никакой кареты, и мертвецы не прижимаются к стеклу жадными лицами.

Тьма рассеивается. Вот уже проступили очертания предметов, видно стрелки настенных часов: начало шестого. Скоро рассветет, и страх, как ночной зверек, уползет в свою

нору до следующих сумерек. Она знала, теперь можно уснуть без боязни, утром кошмаров не бывает.

Но вновь раздалось тихое «так-так-так».

Она приподнялась на подушке и поняла, что пробуждение было ложным. Сон продолжается.

Ей снится, что она лежит в своем номере, перед рассветом, смотрит в окно, а там опять мертвое лицо с красной растрепанной бородой – огромное, расплывчатое. Господи Боже, сжался!

Она ущипнула себя, опять потерла слипающиеся глаза. Зрение прояснилось. Это был не сон!

За окном покачивался огромный букет пионов. Из-за него высунулась рука в белой перчатке, постучала: «тук-тук-тук». Сбоку появилось лицо, но не мертвое, а очень даже живое. Губы под закрученными усишками шевелились в беззвучном шепоте, глаза таращились, пытаясь разглядеть внутренность комнаты.

Элиза узнала одного из своих самых настырных поклонников – лейб-гусара Володю Лимбаха. В когорте отчаянных питерских театралов было немало молодых офицеров. В свите всякой мало-мальски известной актрисы, певицы или балерины обязательно имелись эти шумные, восторженные юнцы. Они устраивали овации, забрасывали цветами, могли ошибаться соперницу, а в день бенефиса или премьеры выпрягали из коляски лошадей и катили властительницу своих сердец по улицам. Их обожание льстило и было полезно, но некоторые из молодых людей не знали, где остановиться, и позволяли себе переступить черту между поклонением и домогательством.

Будь Элиза в ином состоянии, она, возможно, рассмеялась бы проделке Лимбаха. Бог знает, как ему удалось влезть на карниз высокого бельэтажа. Однако сейчас ее охватила ярость. Проклятый щенок! Как он ее напугал!

Она соскочила с постели и подбежала к окну. Корнет разглядел в сумраке раздетую белую фигуру, жадно приник к стеклу. Не думая о том, что мальчишка может упасть и свернуть себе шею, Элиза повернула шпингалет и толкнула створки, которые распахивались наружу.

Букет улетел вниз, а сам Лимбах от толчка утратил равновесие, однако не сверзся с высоты. Вопреки законам земного тяготения, офицер повис в воздухе, покачиваясь и слегка проворачиваясь вокруг оси.

Загадка объяснилась: нахал спустился с крыши на веревке, обвязанной вокруг пояса.

– Божественная! – сдавленно, короткими фразами заговорил Лимбах. – Впустите! Я желаю только! Поцеловать край! Вашего пеньюара! Благоговею!

Гнев Элизы вдруг исчез, вытесненный страшной мыслью. Если об этом узнает Чингиз-хан, глупый мальчик погибнет!

Она оглядела Тверскую улицу, в этот глухой час совершенно пустую. Однако где уверенность, что проклятый манияк не прячется где-нибудь в подворотне или за фонарем?

Молча Элиза затворила окно и сдвинула шторы. Вступать в переговоры, увещевать, бранить лишь означало бы усугублять риск.

Но Лимбах не отвяжется. Покоя от него теперь не будет и ночью, в собственном номере. Хуже всего, что окно выходит прямо на улицу...

На время московских гастролей труппа «Ноева ковчега» поселилась в «Лувре-Мадриде», на углу Леонтьевского переулка. «Лувром» называлась шикарная гостиница, расположенная фасадом на Тверскую. Здесь, в апартаментах «люкс», жили режиссер, премьер и примадонна. Более скромная часть комплекса, номера «Мадрид», выходила окнами в Леонтьевский. Там квартировали остальные актеры. Заезжие труппы часто останавливались в этом сдвоенном заведении, будто специально приспособленном для театральной иерархии.

Остроумцы из актерской среды прозвали длинный коридор, что соединял блистательный отель и непритязательные номера, «труднопроходимыми Пиренеями».

Если это повторится, надо будет поменяться с кем-нибудь из-за Пиреней, придумала Элиза, немного успокаиваясь и даже начиная улыбаться. Все-таки трудно оставаться равнодушной, когда сталкиваешься с любовными безумствами. Примчался из Петербурга, чертенок. Наверное, втихомолку от начальства. Теперь насидится на гауптвахте. Но это не самое страшное, что может с ним произойти...

Страшное

После скандала на представлении «Бедной Лизы» о театре так много писали и говорили, что Штерн изменил первоначальные планы – передумал отменять спектакли. Ажиотаж вокруг «Ковчега» достиг небывалых масштабов; спекулянты перепродавали билеты не по тройной, а чуть ли не по десятерной цене. В зале всюду, где можно и нельзя, понаставили дополнительных стульев. На каждом выходе Элиза чувствовала, как в нее жадно впиваются две тысячи глаз – будто ждут, не стрясется ли с примадонной еще что-нибудь диковинное. Но она, в отличие от обычного, в зал старалась не смотреть. Боялась увидеть горящий безумием взгляд из-под сросшихся бровей...

Дали каждый из старых спектаклей еще по разу: «Бедную Лизу», «Три сестры», «Гамлета». Принимали очень хорошо, однако Ной Ноевич остался недоволен. На разборах после спектаклей, когда все пили шампанское, делали записи в «Скрижалях», говорили друг другу лестности и колкости, режиссер сетовал, что «понижается накал».

– Безукоризненно, но пресно, – восклицал он. – Как у Станиславского! Так мы растеем всю фору! Театр без шума, провокации, скандала – это полтеатра. Дайте мне скандал! Дайте пульсацию крови!

Позавчера на «Гамлете» скандал-таки случился, и его объектом вновь стала Элиза. Эффект был меньше, чем 5 сентября, однако еще неизвестно, что омерзительней – увидеть змею или снести гадкую выходку Смарагдова!

Кого Элиза совершенно не выносила, так это своего основного партнера. Напыщенный, неумный, мелочный, завистливый, самовлюбленный павлин! Никак не может смириться с тем, что она равнодушна к его конфетному очарованию и что публика принимает ее лучше. Если б не кучка истерических дамочек, электризующих своим визгом остальную публику, все давно разглядели бы, что король гол! Играть толком не может, только глазами сверкает. А еще норовит, скотина, целоваться по-настоящему, в губы. Даже язык пробует просовывать!

Позавчера вообще перешел все границы. В сцене, где Гамлет пробует ухаживать за Офелией, Смарагдов сыграл принца датского каким-то похабным грубияном. Прижимал, тискал за грудь, а потом к ужасу и восторгу зала ущипнул за ягодицу, с вывертом, как денщик горничную!

За кулисами Элиза влепила ему пощечину, но Смарагдов только ухмыльнулся, будто сытый кот. Она была уверена, что на разборе наглецу влетит по первое число, но Штерн похвалил «новаторскую находку» и посулил, что завтра об этом напишут все газеты. Они и написали, причем бульварная «Жизнь-копейка» позволила себе прозрачно намекнуть на «особенные отношения» между г-жой Альтаирской-Луантэн и «неотразимым г. Смарагдовым», да ввернула «африканскую страстность, столь непосредственно прорвавшуюся на сцене».

Если так пойдет дальше, Ною Ноевичу, чтоб не разочаровать публику, придется каждый раз выдумывать новые фокусы – согласно его «теории сенсационности». Крокодилов, что ли, он станет на сцену выпускать? Или заставит актрис играть голыми? Лисицкая вон уже предлагала в «Трех сестрах» выйти на сцену в дезабилье – якобы, чтоб подчеркнуть, какой Наталья стала распустехой и бесстыдницей, когда освоилась в доме Прозоровых. Кто только захочет любоваться на костлявые мощи Ксантиппы Петровны?

Репетиции «Вишневого сада» шли полным ходом – каждое утро с одиннадцати. Но спектакль как-то не складывался. Много ль сенсационности в «Вишневом саду», пускай и в новой трактовке? Ной Ноевич, кажется, и сам уже понимал, что промахнулся с пьесой, но не желал признавать ошибки. А жаль. Так хотелось сыграть что-нибудь пряное, изысканное,

необычное. Роль семнадцатилетней чеховской инженеру Элизе совсем не нравилась. Скудная, одномерная, играть почти нечего. Но дисциплина есть дисциплина.

Без четверти одиннадцать она села в авто. Премьеру и премьерше по статусу полагалась открытая машина, остальным выдавались разъездные на извозчика, но сегодня Элиза, слава Богу, ехала одна. Смарагдов в гостинице не ночевал (с ним такое случалось часто).

Придерживая широкополую шляпу со страусиным пером, Элиза прокатилась по Тверской. Ее узнавали – вслед неслись приветственные крики, шофер в знак признательности дудел клаксоном. Элиза любила эти поездки, они помогали зарядиться творческой энергией перед репетицией.

У каждого актера есть свой особенный прием, своя маленькая хитрость, помогающая войти в магическое состояние Игры. Лисицкая, например, обязательно с кем-нибудь ругается, доводя себя до нужного нервного градуса. Регинина нарочно возится и тянет, чтобы опоздать и чтобы режиссер на нее накричал. Пухляшка Клубникина бьет себя по щекам (Элиза не раз видела). Лев Спиридонович Разумовский, все знают, осушает фляжечку. Ну а Элизе был необходим короткий, с ветерком проезд под приветственные крики – или, тоже неплохо, пройти по улице летящей походкой, чтобы узнавали и оборачивались.

Раскрасневшаяся, вся звенящая внутри, она взбежала по лестнице, сбросила накидку, сняла шляпу, поглядела на себя в зеркало (бледновата, но это к лицу) и минута в минуту, ровно в одиннадцать, вошла в зал. Все кроме Регининой и Смарагдова сидели перед сценой, в первом ряду. Штерн стоял наверху, с часами в руках, уже готовый взорваться. За спиной у него топтался Девяткин, сопереживал.

– Не понимаю, как можно с таким неуважением относиться к своим коллегам, к искусству, наконец, – медоточивым голосом начала Лисицкая.

Мефистов подхватил:

– На настоящий Ноев ковчег они бы тоже опоздали? Человек, претендующий на положение первого актера труппы, кажется, считает нас всех челядью. Включая режиссера. Все должны ждать, пока он соизволит отзавтракать! И эти вечные опоздания Регининой! Входишь в образ, готовишься, настраиваешься играть, а вместо этого...

Тут, как обычно, в зал со словами «Я не опоздала?» полувбежала раскрасневшаяся Василиса Прокофьевна. Лисицкая сказала: «Ха-ха-ха», Штерн схватился за виски, Девяткин укоризненно покачал головой. Теперь можно бы и начать, но Смарагдов все не появлялся. Это было на него не похоже. Где и с кем бы ни провел он ночь, на репетиции Ипполит всегда являлся вовремя, даже когда еле переставлял ноги с похмелья.

– Пойдите кто-нибудь, посмотрите в гримерной. Вероятно, наш красавчик так опух, что никак не может запудрить мешки под глазами, – предположил Разумовский.

– Сами и сходите. Здесь слуг нет, – презрительно бросила ему бывшая жена.

Ловчилин пошутил:

– То есть как «нет слуг»? А я?

Но с места не поднялся. В результате, конечно, пошел безотказный Вася Простаков.

Скука какая, думала Элиза, подавляя зевоту. Прав Мефистов: этак весь настрой на игру пропадет.

Она вынула из ридикюля зеркальце, стала тренировать мимику своей героини: невинная радость, трогательное волнение, умиление, легкий испуг. Всё такое девичье, нежное, в пастельных тонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.